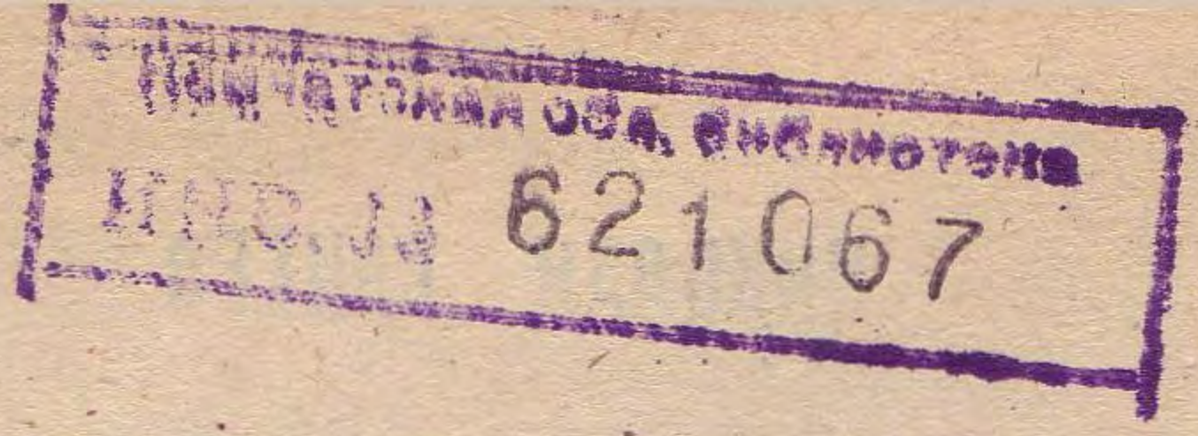
Р2
С18

НИКОЛАЙ САНЕЕВ

СРЕДИ СНЕГОВ БЕЛЫХ

Владивосток
Дальневосточное
книжное
издательство
1982

83.3Р7
С 18

Николай Санеев известен как автор нескольких книг, посвященных морю, рыбакам, проблемам развития рыболовства на Камчатке. В новую книгу автора вошли документальная повесть «Шкипер Иван Малякин», рассказ «Марфа из Сингапура» и повесть «Среди снегов белых», в которой Н. Санеев рисует жизнь далекого национального камчатского села Аянка в период коллективизации и становления новой жизни на далекой окраине страны.

Рецензент Л. Миланич
Редакторы В. А. Ильина, Г. П. Малых

47.2.1.2
142(01)82 37-82

© Дальневосточное книжное издательство, 1982

ШКИПЕР ИВАН МАЛЯКИН

Повесть

Памяти ветерана камчатского колхозного промысла, Героя Социалистического Труда, коммуниста Ивана Игнатьевича Малякина посвящается.

Стоим на пирсе, нетерпеливо всматриваемся в зажатую скальными выступами горловину Авачинской бухты. Он всегда появлялся оттуда. Десятилетиями у него была вот эта одна-единственная дорога к причалу, к дому.

Одна дорога для него, для всех рыбаков. Но никому не дано было ходить по ней так долго и оставить на ней такой заметный след...

Рыбаки возвращаются с промысла с уловом. Он тоже всегда возвращался с уловами. Богатыми, на зависть всем. Но не только этим запомнились старожилам его возвращения с промысла. Судьбой ему было уготовано большее: прокладывать дорогу в будущее, делать историю. Его большая судьба — это большая судьба камчатских рыболовецких артелей. Все самые важные этапы в их развитии в тридцатых, сороковых, пятидесятых, шестидесятых годах неотделимы от имени Малякина. Он первым вошел в ворота бухты на первом на Камчатке малом рыболовном боте «Максим Горький» и сказал просто: «Это то, что надо нам, рыбакам». И он же увел в непривычно долгий и дальний рейс первый на Камчатке сейнер «Воросма», а вернувшись с промысла, заявил: «Теперь нам и океан по колено».

И вот сейчас, почти сорок лет спустя после первого возвращения с моря шкипера Ивана Игнатьевича Малякина на утленьком деревянном суденышке, он снова должен появиться в голубом проеме бухты. Появиться и обрести новую жизнь в образе большого морозильного траулера «Иван Малякин».

I

Говорят, моряки в дальних странствиях вслух объясняются со звездами. Я попробовал разговаривать с приближающимся к пирсу кораблем. И он отозвался. Отозвался его голосом, Ивана Игнатьевича.

«А знаешь, первую рабочую закваску я получил на Сталинградском тракторном. Помнишь, я тебе об этом рассказывал?»

Как же не помнить! Помню. Это было прощание с родным приволжским поселком Пришибом. И с детством. Отец провожать не пошел. Трудно ему было ходить. Простились во дворе. Окопная жизнь в империалистическую да горькая чужбина — только через семь лет из германского плена к дому дорогу нашел — все жизненные соки высосали. С виду вроде человек как человек, а внутри — былинка перестойная. Ветерок дунет — и переломится.

За околицей потерлась мать головой о Ванюшкино плечо, смочила его слезой, молвила:

— Ты уж надолго так не затеривайся. Как отец. С богом, сынок!

И Гришку Салыгина, закадычного Ванюшкиного дружка и одногодка, благословила.

— Держитесь друг дружки цепче. Людей там что колосков на поле, а вы, свои, одни.

«Так и попылили мы со своим годком по степной дороге искать свою судьбу. Что у меня тогда было? В теле кровь молодая вином бродила. Мускулы на руках перекатывались — успел их в кузнице нажить, пока молотом махал. В кармане цидулка про окончание двух классов. А в голове — жадность: мир другой увидеть, какой он.

На Сталинградском слова материны вспомнил. Люду столько съехалось, что муравейник копошится. А мы с Гришкой в нем, в этом муравейнике, будто одни. Особняком. Выделил мастер носилки, показал, откуда и куда кирпичи носить, про норму напомнил, и затерялись мы в этой людской каше.

Это так попервах казалось. До самого того случая. Жизнь, считай, прошла, а как вспомню про него, и уши пылать начинают. Про себя этот случай считаю уроком классового самосознания. Сам его усвоил и других потом всю жизнь учил: не ловчить ни в большом ни в малом, за спину других не прятаться».

Протяжный гудок, изьестивший о перерыве на обед, застал их с груженными носилками на полпути к месту. И оставалось-то каких-то полсотни метров. Толпы потянулись к столовой. Еще секунду назад вытертые до блеска ладонями ручки носилок казались слитыми воедино с руками, были их продолжением. А после гудка будто пружины ослабли, и пальцы непослушно стали распрямляться. Выскальзывают ручки, не удержать. Иван шел первым. Оглянулся, и у Гришки тоже от натуги лицо перекосило. Уговора не надо было. Носилки с грохотом шмякнулись о землю. Стыдливо оглянулись, не приметил ли кто, и затерялись в длинной очереди у столовой.

И тут-то появился мастер. Стал на отшибе, сложил ладони в рупор, пробасил: «Кто бросил носилки с кирпичом?» Повел хмурым взглядом. И гомон сразу улегся, стало тихо-тихо. Только переглядываются люди.

Как вовремя слетела проволока, которой Иван утром старательно прикрутил отставшую подошву на правом ботинке! Теперь проволока лежала у самого носка, а из зева ботинка смешно торчали пальцы. Иван склонился и стал старательно прикручивать подошву: «Теперь-то уж по лицу не заметит мастер».

А толпа уже снова ожила. «Задним местом их о землю, как носилки, за такие штучки!», «Таким ложка большая — даешь, а не пятилетка».

И проволока уже закручена, а разгибаться Ивану боязно. Горбом чувствует, будто на него все сейчас уставились и о нем говорят. Но и бесцельно ковырять-ся еще страшней — каждому станет понятно, чего это он глаз не кажет.

Выпрямился, стрельнул из-под лохматых бровей по толпе, по мастеру прошелся. «Вроде не на меня».

— Значит, нет виновников? — переспросил мастер и глянул куда-то поверх голов съежившихся парней.

Чья-то рука тяжело опустилась на Иваново плечо.

— Сам вроде в кустах, а уши наружу, ягодкой малинкой полыхают.

Иван оглянулся.

Сзади него стоял мужчина. Покачивал осуждающе головой.

— Я все ждал, мальцы, сами отзоветесь. Только, гляжу, земля крепко присосала, уткнулись в нее — не

оторветесь. Деревня, видать, рабочему сознанию не дает проснуться.

И опять без сговора, как в тот самый момент, когда одновременно расслабили пальцы, парни отделились от толпы и, пряча глаза, двинулись к оставленным носилкам. Вслед им, словно камнями в спину, кидались обидными словами, шутками.

Вернулись они в столовую, когда она уже опустела...

«Сейчас это для многих смешным может показаться, а в то время у нас глаза лопались от зависти при виде людей в промасленных рабочих спецовках. При пересменке торчали у проходной и вздыхали: сбудется когда-нибудь наша мечта? Или так и придется таскать носилки? И так нам хотелось скорее попасть в цех, к настоящему делу, что, не поверите, свою одежонку нарочно выделали в маслах, на тех чтоб походить, кто в цехах работает».

Надежда приобщиться к настоящему делу, стать тракторостроителями согревала их холодными ночами. Жили они с Гришкой, как и многие в то время, съехавшиеся на стройку, в «ласточкином гнезде». Так назывались выдолбленные в обрывистом берегу Волги углубления. Из расширенного внутри глиняного склепа через узкий лаз, который служил и дверью, и окном, просматривался ситцевый клочок неба. Звезд на этом клочке, казалось, умещалось так мало, что парни пробовали пересчитывать их. Ночь на ночь не приходилась, появлялись на небе новые гостьи, и счет никогда не сходился.

Где-то рядом, внизу, шелестели, поигрывая прибрежным песком, волны великой русской реки. Сколько созвучного было в ее таинственном шепоте с мыслями двух деревенских парней, которых приютила эта река на своем берегу! Они засыпали под ее убаюкивающий и благословляющий говор. Она и будила их зовущими, обнадеживающими гудками пароходов. И надежды сбывались.

«Нас взяли в литейный цех. И хоть к разливке и близко не подпускали, на подхвате попервах были, зато ходили мы и земли под собой не чуяли от гордости. Особенно когда выходили из проходной, смешавшись со всем заводским людом. На лицах же у нас не написано, что в учениках пока ходим. Вскоре и из своего

«ласточкиного гнезда» в общежитие переселились. Совсем другая жизнь началась. Силушки у нас было хоть отбавляй. Рабочие, те, что в возрасте, на перекурах о своих житейских делах разговоры ведут, а мы, как молодые жеребчики, несемся наперегонки в кузнечный. Молоты — в руки и по упругой стали на спор — кто скорее ее докрасна накалит ударами. Потом заводской комсомол другую забаву придумал — кружки спортивные заработали, вот там и пробуй силу. Я почему-то выбрал бокс».

II

«Жизнь переиначилась в один час. Появился на тракторостроительном вербовщик с Дальнего Востока. Так уж разрисовал этот край, как сказку рассказал. И, конечно, нажимал больше всего на то, что без нас, молодых, без наших рук этому краю, что земле без влаги в засушливую пору. Мой дружок Гришка не решился, а я рискнул».

До Владивостока добирались десять суток. А еще через сутки пароход «Желябов» увозил Ивана Малякина в Посьет. На рыбозаводе в засольном цехе он учился обрабатывать рыбу иваси.

Весной следующего года, перед путиной пришли на комбинат сейнеры. На один из них направили Ивана работать матросом. И трудно сказать, стал бы он моряком, не встреться на его пути человек, которого Малякин до конца жизни считал своим учителем. Альфреду Гансовичу Ойе было где-то под сорок. Высокий, русоволосый, сухощавое лицо. В глазах — грустинка. Семьи Альфред Гансович не имел. Возможно, этим объяснялась его привязанность к ершистому, вспыльчивому, но добродушно-доверчивому крепышу — матросу Ивану Малякину.

«Там же, в Посьете, пришлось столкнуться мне с американским спецом по промысловому делу. Сейчас вот думаю, наверное, встреча с ним сыграла какую-то роль в моей рыбацкой судьбе — за живое задела.

Помню, обида брала меня: чего это чужестранцы нас уму-разуму учат? Сами, что ли, без них не управимся?»

Этот длинный, поджарый американец, которого за каркающий выговор все прозвали Карром, чувствовал себя на промысловой базе маленьким королем. Его то-

щая фигура неожиданно вырастала за спинами сетепошивщиков. Карр, попыхивая трубкой, подолгу молча наблюдал за работой. Трудно было угадать, о чем он в это время думает. Большие, навыкате белки под редкими щетками белесых бровей чем-то напоминали выброшенные волной на берег слитки медузы. Никогда не поймешь, что таит их холодный блеск.

Постоит он так несколько минут. Потом его худосочные губы, ровной тонкой линией рассекающие вытянутое лицо пополам, едва шевельнутся, обнажат прокопченные никотином зубы. Не вынимая трубки изо рта, проскрипит:

— Нэ пойдот. Перэдэлать.

То же самое можно было наблюдать и на лову. Смотрит, как делают рыбаки замет, попыхивает трубкой. Взгляд совершенно отсутствующий, вроде весь в себя ушел. И вдруг неожиданно бросит:

— Рыба не будэт.

И молча уходит в кубрик. Редко когда ошибался долговязый Карр. Он знал себе цену. Само положение спеца на базе питало его самодовольство. Практичный, всезнающий, Карр скупо рассчитывался своими знаниями за те большие деньги, которые за него платило наше государство. Он не упускал случая подметить, когда кто-то делал не так, но подсказать, как нужно, не торопился. И когда в порыве злости кто-то бросил ему: «Ты учи, а не тычь пальцем», Карр невозмутимо отвечал:

— Моя голова твоя шея нэ подойдот.— Длинный указательный палец Карра, как буравчик, ввинчивался чуть повыше уха: — Надо думать своей, как это у вас называется, башь-кой.

На промысле спец чаще торчал на судне, где работал Иван Малякин. Бочку на мачте он обшил брезентом, чтобы не дуло, утеплил. Оттуда, из своего теплого гнезда, Карр высматривал косяки ивасей.

Альфред Гансович вначале терпимо относился к этой затее с гнездышком. До одного случая. На судне учеником в машинной команде работал Виктор Редько. И вдруг парень исчез. Исчез, когда сейнер находился на лову. Обшарили каждый уголок судна. Но не иголка же человек! «Утонул...» Но когда, как это произошло, никто не видел. И тут взгляд капитана скользнул вверх, на мачту.

— Посмотрите там! — сказал он.

«Утопленник», свернувшись калачиком, спал в сооруженном Карром «гнезде».

— Убрать! — приказал Альфред Гансович Малякину, не обращая внимания на протестующие жесты стоящего рядом Карра.

Когда матрос сбросил за борт остатки карровского сооружения, спец сморщился и раздосадованно процедил Ивану Малякину:

— Зови Па-ва-а, «очко» играть.

Иван недолюбливал этого длинноногого американца.

Антипатия перерастала в брезгливость, когда он видел его пьяным. В состоянии опьянения всегда подтянутый, аккуратный Карр раскисал. Исчезал холодный блеск в глазах. Они становились слезливыми. И сам он напоминал Ивану в это время совсем недавно появившегося на свет телка, который, поднявшись, пробует стоять на ногах, а они непослушно расползаются врозь. В такие минуты Ивана захлестывало дикое желание подтолкнуть Карра, чтобы он грохнулся, растянулся на палубе.

Пьяный спец всегда искал утешения в картах. И чаще всего приставал к Павлу Волошину, механику сейнера. Тот был постоянным его партнером. Он же научил Карра азартной игре в «очко».

В тот момент, когда Малякин выбрасывал за борт брезент, спец был трезвым, но его потянуло на «очко». Впервые Иван отмахнулся от его команды найти Павла Волошина. Белесые брови Карра подперли лоб, выражая удивление. Он хотел повторить команду, но Иван кинул ему в лицо:

— Сам топай, если он тебе нужен.

...С нуля Малякин стоял за штурвалом. В рубке, кроме него и капитана, никого не было. Матрос знал, что Карр и Альфред Гансович из-за него объяснялись. Но какой разговор произошел между ними, не мог предполагать. И вот сейчас он каждую минуту ждал, что капитан начнет отчитывать его. В рубке стояла тягостная тишина. Разрядивший ее смешок заставил вздрогнуть матроса: таким он был неожиданным в этой обстановке. Иван подозрительно скосился на Альфреда Гансовича, на лице которого еще не успела растаять улыбка. Весело поблескивали в притемненной рубке глаза.

— Карашо ты его, Ваньюша, молодец! — подмигнул ему капитан.

Иван, приободренный таким исходом, дал волю своим чувствам и давно мучившим его мыслям:

— И на кой черт они нам нужны, дармоеды? — горячился он.— Привозят их откуда-то. Такие деньги платят.

Малякин стал перечислять капитанов, которые, на его взгляд, не хуже этого Карра и в орудиях лова, и в технологии промысла разбираются.

Но опустившаяся на его плечо рука Альфреда Гансовича остановила Ивана.

— Нужны пока они нам, Ваньюша,— вздохнул он.— Мы еще, как дети, жить начинаем. Учимся. Придет время — все будем спецами не хуже Карра. И ты спецом будешь.

— Я-я? — удивленно посмотрел на капитана матрос.

— Да, ты...— Альфред Гансович помедлил и твердо, как что-то уже решенное, вымолвил: — И ты, Ваньюша!

— Не-ет,— вздохнув, покачал головой матрос.

— Почему нет?

— Грамотенка нужна. А у меня всего два класса...

Какое-то время капитан молчал. Потом просто и естественно спросил:

— Хочешь учиться?

Без слов, кивком головы ответил ему матрос. Но так много было сказано этим жестом.

С того момента и начал постигать Малякин азбуку морского дела. Чуть выдавалась свободная минута, он шел к Альфреду Гансовичу, и тот, откладывая в сторону все свои дела, начинал заниматься с Иваном.

Не без содействия Альфреда Гансовича матрос оказался в мореходной школе. Занимался по уплотненной программе. Кроме специальных предметов давали курсантам и общеобразовательную подготовку. Их выделили в специальную группу. В отдельные дни занимались по четырнадцать—шестнадцать часов.

К Альфреду Гансовичу Иван Малякин после школы не попал. Тот в это время был на перегоне в Посьет нового судна.

Чуть ли не всю путину Иван проработал сначала тралмастером, а затем помощником капитана. За месяц до окончания промыслового сезона назначили его капитаном сейнера.

В Посьете он женился на ленинградке. Надя ждала

ребенка и все настойчивее убеждала мужа вернуться к ее родным. Они уже позаботились и нашли для Ивана в Ленинграде работу, спокойную, на берегу. Малякин упорствовал... Наконец договорились: сначала побывают перед путиной в отпуске, а там видно будет.

И вот они уже едут в Ленинград.

Оставив вещи в камере хранения Владивостокского морского порта, Малякины прогуливались по привокзальной площади. Вдруг Ивана окликнул знакомый голос. Обернулся — Василий Горобец. Свой, посьетский!

За кружкой пива перебросились, кто куда путь держит. Оказывается, Василий перегоняет на Камчатку новое судно. Малякин рассказал о своем решении. И вот эти минуты случайной встречи изменили все его планы. Он оформил жене билет на пароход «Ильич», уходящий на Камчатку. Все произошло настолько быстро, что Надя не успела даже поссориться с Иваном.

«Так и прибыли мы вместо Ленинграда в Петропавловск-Камчатский. Только на разных судах: она — на пассажирском, а я — на рыболовном. Это было в 1938 году».

III

«Первый год я на Камчатке отработал на базе активного лова вторым штурманом дрифтерного судна. В колхоз имени С. М. Кирова вступил в тридцать девятом. Приняли меня в артели хорошо. Шкипером назначили. Команда на судне небольшая: я, моторист да четыре ловца. Все рыбаки на ярусах руку набили. А я в них, в этих ярусах, ни шиша не смыслил.

Ну и спотыкался без конца поначалу. Мои опытные рыбачки на дыбы: кого в командиры нам назначили? Гнут меня, к чему сами уже давно приспособились. Особенно Лобанов, старый ловец, в верховоды набивался. А я тоже с норовом. Приметил слабину в их работе — все как-то назад оглядываются — и своей бороздой упрямо иду. Так сшибались лоб в лоб, думал, выпрут из шкиперов. Ладно, что до подхода сельди дотянул. С неводом работать умел, в Посьете еще научился. Выбрались из отстающих».

Уже в ту путину проклюнулся в малякинской натуре росток, который с годами развился в самую приметную индивидуальную особенность этого человека,

ставшую его сутью, его жизненным кредо. С этой малякинской особенностью прокладывать «свою борозду» по жизненной целине связано многое в развитии промысла.

В те первые дни путины в колхозе только на два выхода в море хватило выдержки у шкипера присматриваться, как ставят ярусы бывалые ловцы. А при третьем выходе как топором обрубил:

— По-другому ставить будем!

И начал выметывать ярусы с того места, где еще вчера стояли крайние порядки. Что руководило им? Может, «лишь бы было по-моему?» Нет. Задело самодовольное заявление Лобанова:

— Ты пока присматривайся, шкипер, как я ставлю.

Малякин со своей дотошностью стал выспрашивать у него, почему именно здесь выставлять и почему непременно так. А у того на все один довод: «Должна быть треска, всегда тут брали».

Такая «теория» Лобанова пришлась не по душе Малякину. Это как в кошки-мышки с завязанными глазами играть. А ему не терпелось стать хозяином положения: все знать самому, не быть рабом обстоятельств.

К затее шкипера ловцы относились снисходительно, как к чудачеству: пусть, мол, оскомину собьет.

Первая проба и — осечка. Расчеты Малякина не оправдались. Вернулись на базу без рыбы. Лобанов откровенно потешался:

— В нашем деле, шкипер, мичуринские эксперименты не подходят. Посмешил людей, и хватит. Да и не до концертов нам твоих.

В это время к приемной пристани подошло еще одно колхозное судно. С хорошим уловом. Малякин — к ловцам:

— Где ловили рыбу?

— В океане,— нашелся рыбак Меряха. И все заготовили.

Малякин побагровел от обиды. Но сдержался, молча зашагал к своему судну.

— Чего зубы скалите? — услышал за спиной знакомый голос.— Человек новый. Сам обжегся, колхоз пострадал. Вот смешно-то как! А ты тоже не будь, Малякин, порохом. Так и взорваться можно, дым только останется. Подожди, потолкуем,— крикнул вдогонку удалявшемуся шкиперу.

«У него и фамилия была возлерыбная — Рыбачук. Лучшим шкипером в колхозе считался. Крепкий старик. К шестидесяти годам подбирался, а держался козырем. В колхозе и у ловцов — первый авторитет. Еще до революции на американских шхунах ходил. В гражданскую на Камчатке партизанил. Коммунист. До полуночи с ним мы тогда проговорили. За горячность и за то, что круто я сразу взял, не ругал. С уловами будешь, говорит, все как шелуха отвеется. Не докажешь — не признают тебя рыбаком. На бумаге начертил, как порядки выставлять надо. Пригласил утром к мысу Поворотному подойти, где сам ловит треску.

На следующий день ставили ярусы, как Рыбачук советовал. Рыбу взяли. Вышли снова — промашка. И так все лето, как тарелки на весах, наша работа прыгала: вверх, вниз.

А селедка пошла, тут-то и придавили мы одну тарелку уловами намертво; даже мой Лобанов и тот присмирел. Правда, с кошельком тоже сперва заминка вышла. Но это уже не по нашей вине».

На моторно-рыболовной станции шкиперу Малякину выдали невод. Тут же, на берегу, он с командой проверил его. И взъярился: шутить, что ли, над ним вздумали? Подался к начальнику лова.

— Что вы мне подсунули? — набросился на него.

— Ты хоть глянь, за что расписывался на документе,— остудил шкипера начальник лова.— Там же ясно написано — кошельковый невод.

— Это по-вашему невод, а по-моему — дамский зонтик,— горячился Малякин.

— Какой еще зонтик? И вообще... Объясни хоть, что тебе от меня надо?

— Невод мне нужен, невод. Понятно? А это... Идем, на месте покажу, что мне подсунули.

«На месте» выяснилась причина малякинского гнева. Длина кошелька по нижней подборе оказалась в два раза короче верхней.

— Но при чем тут зонтик? — недоумевал начальник лова.

— Да при том, что при замете начнет притопляться кошелек и примет форму опрокинутого зонтика. Косяк под ним останется незадетым.

Кошельковые невода только входили в моду, и начальник лова еще сам не разбирался в тонкостях их работы.

— Не знаю... Какие всем выдали, такой и вам,— пожал он плечами.

— Какие всем, не знаю, а этот не возьму. Давайте другой.

— Нет же, нет других! —начинал злиться начальник.— Сказал же, только такие.

— Выписывай второй такой же. Сам из двух неводов один сошью.

— А это уже не в моей власти. Нужно разрешение директора станции.

— К директору так к директору,— отходчиво буркнул шкипер.

Подготовленный Малякиным кошелек оправдал надежды. Команда перекрыла сельдью недолов трески ярусами и выдвинулась к концу путины на второе место во флотилии Петропавловской моторно-рыболовной станции.

Наступил 1941 год. Малякин занялся изучением ярусного лова. Открытие, которое он сделал для себя, было простым до наивности. В нем, в этом открытии, было что-то от детского: «Почему днем светло, а ночью темно?» Взрослые себе такой вопрос не зададут. Потому что знают, отчего это происходит. Малякин же в этом случае был уподоблен ребенку. Он не знал тонкостей ярусного лова, от незнания задавал такие вопросы, которые опытный рыбак постеснялся бы произносить вслух, чтобы его не осмеяли.

Что представлял собой в то время ярус? Это тот же перемет. К канату привязываются поводцы. На поводце — крючок с насадкой. К каждому ярусу крепилось 60 поводцов на удалении друг от друга в полтора метра. Длина поводца 75 сантиметров. При постановке шестьдесят ярусов соединяются между собой.

А почему поводцы не делать короче и не подвязывать их ближе друг к другу? — с такими наивными вопросами обращался Малякин к опытным тресколовам.

— Чудак человек. Неужели непонятно? Нельзя так.

— Но почему нельзя?

— Да потому, что короткие поводцы течением будут закручиваться вокруг каната до самого крючка. А гуще подвяжешь поводцы — крючки цепляться станут друг за друга.

— Ну а сами-то хоть пробовали ставить так?

— А какой смысл рисковать? Пока попробуешь, и

треска отойдет. Да и ничего же это не даст, даже если и получится.

— Как ничего, а канат? Только за промысловый день, по моим подсчетам, на 60 ярусов лишних 180 метров каната обрабатываем. Значит, и времени больше тратим на постановку и выборку.

— Коль зудит — попробуй. Только чтоб после этого в другом месте не зачесалось,— предупреждали Малякина, намекая на пролов.

Тогда еще не знали многие его натуру: если что втемяшится в голову, колом не вышибешь. Как ни сопротивлялась команда, а конструкцию ярусов шкипер изменил: укоротил-таки поводцы до 60 сантиметров и подвязывал их в метре друг от друга. Количество крючков на ярусах осталось прежним, а каната высвободилось, как и рассчитывал, 1800 метров.

Вышли на лов, проверили новшество в работе, и ничего не осталось от убедительных объяснений опытных ловцов насчет всяких закручиваний поводцов да сцеплений крючков. Зато времени на постановку и обработку ярусов затрачивалось меньше. Еще бы! Одно дело 5400 метров каната выметать и другое — 3600 метров. Считай, целых 30 ярусов зря выставляли. Нука соедини их каждый раз при постановке и выборке, развяжи?!

«Вот тогда-то и застряла в голове мысль. Раз выиграли время, нельзя ли под него прибавить количество ярусов?»

IV

«В том же 1941 году к путине я задумал усовершенствовать кошельковый невод. Тот, что из двух скроил. Как в муках рожденное дитя, был он мне дорог. И выручил здорово на селедке. А вот чем он меня перестал устраивать: какой-то горой громоздится на палубе. Неужели нельзя его сделать поубористей да полегче?»

Многое сегодня нам кажется простым из того, что три с лишним десятка лет назад считалось почти непреодолимым. Взять тот же кошельковый невод. Представьте себе крохотное, маломощное суденышко, которое ныне и сравнить-то не с чем — нет таких типов судов,— и на нем кошель: двести двадцать метров длиной, чуть ли не четверть километра, и двадцать пять метров высота стенки. Тут не только рыбу, его одного

таскать судну едва под силу. Уменьшить параметры — он сразу же утратит свою главную функцию — уловистость.

В облегчении невода виделась Малякину не только возможность больше брать на борт сельди. Более заманчивым было другое — жилы у рыбаков не станут так трещать от натуги при выборке невода: выбирали-то его на борт вручную. И времени на это должно уходить меньше. Живее выборка — значит, и шансов больше не упустить сельдь.

Попробовал заикнуться о переделке кошелька на моторно-рыболовной станции, и его сразу же остудили: «Не собственная сетка, что хочешь, то с ней и делай. Кошелек — это и инженерное сооружение. Инжен-е-рное, ясно?»

Такое определение орудия лова действовало магически на психологию большинства рыбаков тех лет. И это объяснимо. Родословное древо рыбного промысла — кустарщина. Веками держалась рыбалка на унаследованном опыте поколений, на навыках, интуиции. Они-то и служили отправными моментами при изготовлении примитивных орудий лова.

Как и в любом другом деле, кустарщина в рыболовстве стала утрачивать свое значение с первым промышленным производством орудий лова. Разными людьми оно воспринималось по-разному.

— Как-то все чудно выходит: мы сызмальства на воде да на рыбе выросли, а они там, в городах, живой рыбины, может, в глаза не видевшие, нам же снасти делают. Или подсказки шлют, как их шить и как ими ловить,— ворчали иные ловцы, почитавшие в первую голову мудрость, воспринятую от своих родителей, дедов, свою мудрость.

И в самом деле, нелегко было осмыслить, что и в конструкции орудий лова, и в чертежах к ним, в строчках инструкций спрессованы многовековая практика рыбной ловли, многотомные исследования поведения различных пород рыб, труд многих ученых, инженеров, целые направления в науке. И, возможно, крупинки навыков тех же, кто недоверчиво покачивал головой, впервые воочию увидев первый невод, первый трал.

Промышленное производство обезоруживало кустарей и морально и профессионально. Не смыслишь в

чертежах, хоть ты всю жизнь прорыбалил, ничто тебе не поможет, не сошьешь сам без инструкции ни трал, ни кошелек. Бабы-сетепошивщицы под присмотром желторотого пацана-технолога, только что окончившего техникум, шьют, а тебе, рыбаку, выходит, не по уму самому все делать.

Совсем иное отношение к этому было у специалистов. У тех, кто изучал принципы сооружения орудий лова по учебникам, в техникумах, институтах лично знал авторов этих конструкций, конспектировал их лекции и боготворил учителей, ревностно оберегая их совершенные для той поры детища от посягательств невежд.

Молодой шкипер мотобота из артели Кирова — в то время вся рыболовная техника была сосредоточена на моторно-рыболовных станциях — посягал своей затеей на что-то незыблемое. И ему сразу же дали понять, на что он покушается. А что убедительнее можно придумать для остуды бредовых мыслей полуграмотного рыбака, чем вот это отрезвляющее: «Кошелек — инженерное сооружение. Технология постройки от и до расписана. Кто же позволит от нее отступать?»

— Но ведь сшили же мы из двух один,— заявил шкипер.— Почему нельзя?

— Ты просто исправил ошибку сетепошивщиков, сделал, как и предусмотрено технологией,— объяснили ему.

«Как пришибленный, помню, тогда ходил. Понимаю: не то что-то, может, в чем-то промашку дали, а в чем — ума не приложу. Куда бы ни шел, ноги меня сами в сетепошивочную затаскивали. С сетевязами и так и эдак обмозговывали. Сколько ни крутили — спотыкались на посадке сетного полотна. В ней изъян виделся.

Своими мыслями с главным инженером станции поделился. Предложил посадку по-другому сделать. Опытный был промысловик, главный инженер, фамилию его запамятовал. И у него, оказывается, в печенках сидела вот эта тяжеловесность невода. Признался он мне, что даже письма писал автору насчет этого. За мое предложение он, вижу, ухватился.

«А что, вполне возможно, что и в посадке собака зарыта. Только одних предположений для изменения технологии маловато. Обоснования нужны, расчеты.

Слишком дороги невода, чтобы экспериментировать вслепую. Не получится — под суд можно угодить. Расчеты, Иван Игнатьевич, нужны. Наверняка чтоб было».

Расчеты я ему потом принес. Мне же он и поручил шить, людей выделил, материалы выписал. К путине успели два экспериментальных невода подготовить. Они и намного легче были, и за счет другой посадки дели много экономилось. Оставалось ждать лета — как поведут они себя в работе?»

В самый разгар тресковой путины в бухту Вилючинскую, летнюю базу Петропавловской моторно-рыболовной станции, обслуживавшую колхозы имени Кирова, «Вилюй», имени Сталина, «Красная связь», «Декабрист», «Красный партизан», прибыл военный катер. На берег сошли трое и сразу — к начальнику базы.

А через несколько минут прибежал запыхавшийся посыльный из конторки:

— Бросать работу. Быстренько собраться.

...На западе уже почти сутки шла война. На базе Жировой, расположенной в бухте Вилючинской, о ней узнали только что.

«И день прошел, и неделя, и... месяц, все жду повестку, а ее нет и нет. Многих одногодков моих призвали, поредели команды, а меня все обходят. Невтерпеж стало. Оставил мотобот на механика и подался на попутном катере в Петропавловск, в военкомат».

Добрался до города Малякин поздно, в военкомате уже никого не застал. В Сероглазку потемну идти не захотел. Зачем лишние думы в доме разводить, решил он. Жена ночь спать не будет, да и неизвестно, как все обернется. Прояснится утром — приду и повестку покажу. Все тут одним махом решится — и реви, и в дорогу собирай.

Был у Малякина и другой расчет: первым военкома застать, еще «свеженького». Дежурный военкомата успел уже рассказать ему, что тут днем творилось. Мужиков — не протолкнешься. Малякин по своему опыту знал, как к начальству соваться в конце рабочего дня, да еще если этот день был суматошный. Вроде и слушает тебя внимательно, а глаза мертвые, не шевелятся. Это, считай, пустое дело, раз глаза молчат. До конца выскажешься, ждешь, что на это ответит. А он эдак просительно: «Загляни-ка с этим утречком, а?»

Так и военком. «Со свежей головой он скорее пой-

мет меня,— думал Малякин.— Потом карусель закрутится — не до моих объяснений ему будет».

В углу коридора была сложена конская сбруя. Ее и облюбовал Малякин для ночлега. Спросил разрешения у дежурного — тот повел плечами: «Если устраивает, пожалуйста».

К военкому он вошел утром первым. Глянул на него и понял: не сбылись расчеты. Вид у военкома был такой, будто он сутки седла не покидал. И в глазах краснота — от недосыпу.

Слушал он сбивчивое объяснение Малякина и через силу подавлял желание перебить его: «Не от одного тебя это слышу: слова только разные, а смысл один».

У военкома и ответ давно был заготовлен, а надо до конца выслушать. И от этого вынужденного «надо» он начинал нервничать.

— Все у вас? — спросил военком, когда Малякин закончил. Тот кивнул.

— Кого нужно — взяли. Потребуется — возьмем и вас. А пока идите и ловите рыбу.

Прямо из военкомата, не заходя домой, подался на пристань в надежде встретить оказию в бухту Вилючинскую. Злой был как черт. Это ему-то, Ивану Малякину, ловить рыбу? Пожилых на фронт, а ему, молодому, здоровому, место в глубоком тылу? Малякин косился на свои зажатые в кулаки руки-гири, и даже они вызывали у него чувство неловкости.

На берегу его окликнул Казакевич — экономист моторно-рыболовной станции. В это время он исполнял обязанности директора.

— Звонили из военкомата,— сказал он.— На тебя и многих других наших рыбаков наложена пока бронь. Считают, и тут мы нужны.

Шкипер раздраженно сплюнул: «Тоже мне, обрадовал!»

V

Шел на катере на базу, ветерком обдуло, и злость вроде улеглась. На другое мысли переключились: «Наверное, каждый из мужиков, кто с руками, с ногами да при здоровье на фронт не попал, об этом в ту пору так же думал, как я. Раз не там, значит, сам себе фронт создавай. Совестью рассчитываться доведется

перед всеми, кто заместо тебя воюет, ею же, совестью, и линию фронта надо себе отмерять. Попрекай потом не попрекай, а большего, чем сделал,— не мог».

Вернувшись на мотобот, шкипер, как всегда, проверил, занимались ли рыбаки лечебной профилактикой. Эта неприятная процедура на малякинском судне была обязательной. Для всех. Перед тем как лечь спать, каждый должен был в горячей, насколько можно только стерпеть, воде парить руки. Делалось это вот для чего. Крючки, как ни старайся, то и дело занозили руки. Иной раз так проклятый вопьется, с мясом выдергивать приходится. От крючков нарывы, да вдобавок просоленные морем поводцы таких бороздок понаделали на ладонях — ни одной цыганке-гадалке по ним в линии жизни не разобраться. Морская вода разъедает ранки, затянуться не дает.

Окунать израненные руки в горячую воду, понятно, нестерпимо больно. Но шкипер заставлял. И люди шли на эту добровольную пытку. После пропарки ладони и пальцы смазывали солидолом. Потом натягивали рукавицы. Вся эта процедура для того, чтобы руки не так опухали и пальцы не крючились. А иначе ловец выходил из строя. Малякин не позволял никому выходить из строя.

В тот вечер ему показалось, что рыбак Петин улизнул от процедуры. Он видел, что тот последним вертелся у тазика с горячей водой. Но окунал в него руки или нет — не заприметил. Решил проверить. Спустился в кубрик. Петин лежал с закрытыми глазами. Худой, длинношеий, с длинными, будто наспех пристегнутыми к плечам руками.

Малякин ценил этого неговорливого рыбака. Понятливый, он все делал не спеша, аккуратно. За ним и не надо было следить, как бы не словчил, за чью-то спину не спрятался.

«Вроде Петин не должен был...— подумал шкипер. Он даже испытал неловкость за свою подозрительность. И все-таки осторожно прикоснулся к его рукам.— В рукавицах,— отметил про себя.— А вдруг для отвода глаз?»

Растолкал.

— Парил? — спросил в упор.

Вместо ответа тот молча приподнял руки. Видишь, мол, в рукавицах, чего еще спрашиваешь...

— Снимай, показывай!

Петин по интонации уловил — это была не просьба. Поднялся. В его глазах полыхнули недобрые огоньки.

— Ну не парил, и что из этого, что? Мои руки будут болеть,— крикнул он.

И обида, и злость, и постыдное чувство бессилия слились воедино в этом крике.

— Эх ты, «мои руки»,— покачав головой, тихо, даже как-то сочувственно сказал Малякин.

И тут же, словно испугавшись такой быстрой своей покладистости, снова взорвался.

— Нет, не твои-ии! И вот эти тоже,— потряс перед глазами Петина он своими огромными ручищами,— мне не принадлежат. Война идет, па-а-ня-я-тно тебе или нет? Оружие должно быть в этих руках. А нет его — все равно они должны воевать. Тут, на море! Фронту они принадлежат, а не нам. Не сможешь завтра работать, буду дезертиром считать,— глухо закончил он.

Передернув плечами, рыбак молча поднялся на палубу. Иван Игнатьевич, засыпая, слышал, как он гремел тазиком, как тихо спустился в кубрик и, скрипнув зубами, видно от боли, улегся на свое место.

Утром выбирали переметы. Улов был добрый. Что ни поводец — на крючке рыбина. Треска крупная. Малякин исподволь присматривал за Петиным. Работал он, как всегда, без лишней торопливости. Но в его движениях улавливалась ярость. Снимает рыбину с крючка, будто злость на ней вымещает: так рванет, кажется, голова отлетит от тушки.

Снялись с лова, пошли на базу. Рыбаки на палубе после бесконечных поклонов при выборке горбы распрямляют, не спеша, всласть попыхивают дымками. Только Петин особняком. У корзины с крючками уселся, насадку наживляет.

— Ты чего это отделился? — пробовали заговорить с ним рыбаки.— Или позвоночник у тебя резиновый — не костенеет? Опять уткнулся в крючки.

Тот отмахнулся: отвяжитесь, мол, не до вас.

Уже на подходе к базе Петин, выбрав момент, когда в рубке никого не было, кроме Малякина, заглянул к нему.

— Просьба к тебе, Игнатьевич, не заикнись председателю про вчерашнее,— стеснительно проговорил он.—

Из команды если кто, часом, расскажет — пусть уж. Каждому кляп в рот не вставишь, а к тебе вот такая моя просьба... А за то, что промежду нас произошло, сами, думаю, разочтемся.

— Чего председателя-то испугался? — не понял Малякин.

Петин ответил не сразу. Подумал.

— Не испугался, а неловко как-то перед ним. Жилистым рыбаком считал меня, а я вот...— Худые щеки его промокнул румянец. Шевельнулся на длинной шее крупноватый кадык.— От брательника известие получил. Из госпиталя... На самой границе кадровую служил. В первый же день... ногу ему снарядом отшматовало... А тут эта рыбалка в дугу гнет. Ну и надломило всего, а-а, думаю, пропади она пропадом такая житуха.

— Это ты зря так расквасился. Лежмя беде не поможешь,— произнес Малякин таким тоном, что трудно было понять, то ли укоряет, то ли сочувствует Петину. А про себя подумал: «И чего с цепи срываюсь, людям и так тошно». Чтобы как-то сгладить происшедшее между ними, шкипер совсем уже примирительным тоном добавил: — Ты тоже на меня губы не дуй. Ну вскипел... А может, это тоже не все мое. Не от натуры все идет, а оттуда же накипь... от войны.— Для себя же, не для Петина, добавил:— И без лютости нам тут теперь нельзя работать. Нельзя без лютости...

И раздумья на катере, когда шел на базу, и мимолетная стычка с Петиным, наконец вот это нежданно сорвавшееся с языка, до этого незнакомое, чужое, насчет лютости в работе,— за ночь переплавились в голове Малякина в рискованную затею. Утром, перед выходом в море, он собрал ловцов в кубрике. Начал без обиняков:

— Как думаете, сможем полсотни центнеров трески на выход брать?

Ловцы оторопело переглянулись между собой: шутит шкипер или всерьез?

— Ну так как считаете? — повторил он и этим поставил все на место: никакими тут шутками не пахнет.

«От силы двадцать пять лучшие суда берут», «Это что же выходит, еще столько надо прибавить? Надорвемся...», «В четыре руки если б, может, и получилось бы. Только не вырастут они лишние-то»,— забубнил разноголосо кубрик.

Высказывались ловцы уклончиво, избегая прямого ответа.

Особенно кольнуло Малякина последнее разглагольствование. В нем ему почудилась издевка.

— Захочешь — вырастут. Надо, чтобы выросли,— не удержался, вспылил он.— А вот там,— стрельнул шкипер рукой в западную сторону,— там старайся, не старайся, если что... уж никогда не отрастет. Ни голова, ни... Петин же говорил вам про брата своего...— закончил упавшим голосом.

Он попал в самое больное место, и ловцы потупили глаза, словно почувствовали себя виноватыми в том, что происходит на фронте.

— Ты-то чего, Петин, молчишь? Как сам-то думаешь?

— А чего тут думать? Сколько сил хватает, столько и надо работать. На пятьдесят хватит, так на пятьдесят... Вот только как их взять-то столько...

— Верно говорит,— подхватили ловцы.— Мы что, против, что ли? А действительно, как?

— Насчет «как» соображение имеется. Прикинул я: можно еще гуще поводцы вязать. Это раз,— загнул палец на свободной руке.— Живей поворачиваться при постановке и выборке ярусов. Это — два. Выкроим время — можно больше успевать ставить ярусов. Скажем, еще на пяток увеличить. Это — три. И теперь насчет «лишних рук». Считайте, одна пара прибавилась.

Головы ловцов повернулись к створке, ведущей в кубрик, будто кто-то там в эту секунду должен появиться.

— Чего туда-то уставились? Нашли время, на что надеяться,— недовольно сморщился шкипер.— На переходах с лова сам буду готовить ярусы, штурвал любой может покрутить. А вас...— его рука застыла в воздухе с тремя загнутыми пальцами,— вас заставлять это делать я не имею такого права.

В кубрике повисла тишина. Всхлипывая, терлись об обшивку волны.

Но вот шевельнулся кадык на шее Петина, словно тот пытался что-то проглотить, да не мог.

— Меня тоже к себе причисляй,— выдавил с хрипом.

Распрямились пригнутые думами спины ловцов. Прикашлянул ловец Меряха, тот самый, который сво-

ей шуткой заставил тогда на базе вспылить новичка шкипера. В нынешнюю путину он перешел работать к Малякину.

— Хватит тебе в глаза нам тыкать,— обидчиво сказал он и кивнул для ясности на руку шкипера.— Раз надо, загибай и четвертый палец. Я все сказал за себя.

— И за нас тоже,— с облегчением загомонили остальные ловцы.

«В первую же девятидневку мы взяли ярусами трески больше семисот центнеров. Суточная выработка по нашему судну поднималась в иные дни до трехсот — четырехсот процентов. Ни одна команда не могла к нам приблизиться по выловам.

На селедке мы тоже отличились. Новый кошелек, как мне и думалось, облегчил нашу работу. Быстрее делали замет, рыба не успевала уходить. По сто тридцать центнеров за выход подавали сельди на базу — сколько можно было взять на борт. За нами стайкой ходили другие суда. Лишнюю рыбу в кошельке отдавали им. Так и закончили путину ударниками».

VI

«В марте сорок второго приняли меня кандидатом в члены партии. Вышел после собрания из клуба, и голова кругом. Такое состояние, будто крылья сразу выросли, взлететь, как во сне это бывает, над землей хочется, да не могу. Удерживает что-то.

Вместо дома на берегу бухты очутился. Тут только понял, что удерживает: она во всем виновата — бухта. Словно в издевку, в сумерках подсиненной скатертью выстлалась, хоть бы одной темной прогалиной откликнулась. Долго в ту весну льды не уходили. Все западные да западные ветры дули. Восток быстро бы эти льды в океан выгнал.

Стоял я на берегу и рисовал в уме, как там, на фронте, в партию принимают. Перед самым боем пишут бойцы заявления. В атаку пошел — и всего себя наизнанку, кто ты, что ты, Малякин, и чего стоишь, каждой кровинушкой поймешь, зачем в партию вступил, что она для тебя. Сам поймешь, если дальше жить суждено, и другим все ясно. А тут... Вон она темнеет за воротами бухты, моя передовая, рядом вроде, а, как до месяца на небе, до нее не дотянешься. Хоть бери лом

да дорогу пробивай. Сколько еще томиться, пока льды не уйдут... Даже ругнул себя в душе: не подумал, когда заявление подавать. Надо было бы подгадать перед самым выходом на лов. Вроде бы как перед боем».

Война прореживала ряды молодых рыбаков. Немцы рвались к Сталинграду, к родным малякинским местам. И Малякин не удержался, снова подался в военкомат. Ответили так же, как тогда: «Твой фронт на море. Лови больше рыбы».

Перед самой путиной правление колхоза направило шкипера на другое судно. Не ладились на нем дела. «Это и будет твое главное поручение — дух поднять у людей, помочь из отстающих выбиться», — напутствовали его.

Начал Малякин на новом мотоботе с переделки ярусов. Забрал со склада сэкономленные за прошлую путину канаты и веревки. Все материалы в то время были жестко нормированы. Что сберег, то и твое. Из сэкономленных остатков вместе с командой стал готовить еще пятнадцать дополнительных ярусов. Надумал сократить длину поводцов до пятидесяти сантиметров, а крючки подвязывать еще гуще — в восьмидесяти сантиметрах друг от друга. Количество крючков за счет всего этого увеличивалось до 6300 штук, на 2700 больше, чем на остальных судах.

И в колхозе, и на моторно-рыболовной станции новая затея шкипера была встречена по-разному: с одной стороны — заманчиво получалось, чуть ли не вдвое нагрузка на судно увеличивается. А с другой... Наперекор выверенной годами технологической схеме прет. На постановку и обработку шестидесяти ярусов при отлаженной работе опытной команды уходило по этой схеме восемь-девять часов. Меньше никому не удавалось затрачивать. А тут еще пятнадцать ярусов?! Да такая густота подвязки крючков... Время же не резинка, не растянешь его.

Но у Малякина был теперь большой козырь в разговоре с начальством — оправдавшийся риск в прошлую путину.

«Чем черт не шутит, вдруг и на этот раз получится,— рассуждали в правлении.— Запрети, чего доброго в зажиме инициативы обвинят. Закрыть глаза на все и ждать, куда вывезет,— опять плохо. В случае пролова с него взятки гладки: руками разведет, не выш-

ло, мол, и все. А нам чем крыть? Куда, спросят, смотрели, почему сразу не пресекли?»

Председатель артели Михаил Старицын не удержался, напомнил об ответственности. И насчет поводцов откровенное опасение высказал: «Боюсь, укоротил ты их донельзя: пережадничал».

— Без головы и рубашкины рукава со штанинами можно спутать,— успокоил его шкипер.— Течение точно не учтешь, хоть двухметровые подвязывай, все равно их позакрутит».

Сложнее было с ловцами. Ладно, если заодно все, а не поймут, вот и получится по пословице: баран по дворам, а овцы по подворьям. Малякин сознавал: хоть расшибись он — ничего от его затеи не останется, окажись она не по силам людям. Как соки от корней к каждому листочку идут, так и вся его задумка должна через каждого ловца насквозь пройти. Через сознание, совесть, руки...

Только на этом, собственно, и строились все расчеты Малякина: успевать делать за то же время, что и другие команды, в полтора раза больше. Делать даже через «не могу». А уложиться в это жесткое время с постановкой, выборкой и разборкой переметов можно было, по прикидке Малякина, лишь при одном условии: все дополнительные пятнадцать ярусов полностью готовить при переходах с лова к базе. При такой схеме работы обычная кратковременная передышка ловцов при возвращении на берег приносилась в жертву делу. А иначе никак не управиться.

Готовить ярусы рыбаки помогали шкиперу с охотой. Допоздна задерживались с ним в сетепошивочной. Но как только заводил он речь о работе по задуманной им схеме — как в глухую стену упирался. Будто не им, а кому-то другому придется ловить рыбу вместе с ним.

— Как вы не можете понять? — распалял себя Малякин, возвращаясь домой вместе с первым ловцом Серафимом Нагаслаевым.— Это же сразу на сорок процентов производительность на каждого ловца подскочит, по моим расчетам. На каждого!

Нагаслаев словно мимо ушей пропустил этот высказанный шкипером с такой запальчивостью довод. Это задело Малякина. На кого на кого, а на Серафима, жилистого, но с забурунным характером рыбака,

он больше всего рассчитывал. Крепкий мужик, не перекати-поле, каких много доводилось видеть Малякину и в Посьете, и уже здесь, в колхозе. Чуть разберутся, что рыба не столько ухой пахнет, сколько потом, и поминай как звали.

Нагаслаев всеми корнями в колхоз врос. Да корни-то какие! В Сероглазке даже шутка прижилась: мимо Нагаслаевых, куда ни пойди, не пройдешь, кого-то встретишь. Десять детей в семье.

Это семейное положение тоже имел в виду Малякин, когда на Нагаслаева ставку делал. Больше рыбы брать станем, меньше нужды в его доме. Ему-то первому бы и хвататься обеими руками за это, а он молчанкой отделывается.

— Производительность-то, может, и подскочит вверх,— думая о чем-то своем, отозвался наконец Серафим,— да как бы ловцам не того...

— Чего? — насторожился шкипер.

— Красна ягода, да на вкус горька,— все так же загадочно ответил ловец.

— Слушай, я о деле с тобой, Серафим, серьезном, а ты тень на плетень наводишь,— заметил Малякин.

— Да какая уж тут тень, Игнатьевич? — вздохнул ловец.— И я все о том же. Вот ты мне скажи, доводилось тебе до тыщи вслух считать?

— Ну нет, а что?

— А то, что язык немеет, пока до конца досчитаешь. Тут же шесть тыщ крючков наживить надо. Да каждый перемет соединить при постановке, грузил сколько подвязать, наплавов, буйков, якорей. Тебе ли рассказывать, сколько при выборке и разборке ярусов возиться приходится. Каждую рыбину отбагруй*, обескровь, водой отмой, в трюм кинь. Каждый перемет снова отсоедини, разбери, наплава и грузила отвяжи...

— Убей меня, не пойму, к чему опять затянул эту... «У попа была собака...» — перебил, раздражаясь, шкипер.

— К тому, кто управляться со всем этим будет? — невозмутимо ответил Нагаслаев.

Малякин даже шаг задержал от такого вопроса.

— Договорились, называется. Да мы же и будем, кто ж еще?

---

* Багровать — снимать с крючка.

— Ты, может, и смог бы,— покосился завистливо на шкипера ловец. — Только по себе всех мерить нельзя. Закусил удила, вскачь несешься... Вглядеться некогда, кто рядом-то. Старье, радикулитом нашпигованное. Им на печь в пору, если б не война, а ты их, что пахучим калачом, к этой самой высокой производительности манишь. Вот они и посапывают, не зная, на что решиться. Да еще наслушались, что нрав у тебя с горчицей, совсем боязно стало: через силу ведь и конь не везет. Теперь-то тебе хоть ясно, почему рыбаки в ладоши не хлопают, когда ты им про свою затею толкуешь?

Малякин ничего не ответил. Так и шли они молча. Серафим, семеня, подстраивал свой шаг под грузную, вперевалочку походку дюжего шкипера, изредка косился подозрительно на него, пытаясь угадать, о чем тот думает. Поначалу ловец чувствовал облегчение от высказанного. А шкипер взял да и захлопнулся, весь в думы ушел. Обиделся, наверное. И стало муторно на душе у Серафима.

Их дорожки расходились. Шкипер прочувствованно стиснул руку ловца:

— Спасибо тебе, Серафим, за подсказку.

«Будто и ничего особенного он тогда мне не сказал, а когда все обмозговал, урок добрый извлек из разговора. О нем часто вспоминал и когда партийной организацией верховодил, и когда депутатом Верховного Совета был. От молодости это, наверное, у меня тогда шло — все куда-то поверх сопок смотришь, а в то, что близко, не вглядываешься. Чего в него вглядываться, когда и так рядом?! До этого разговора почему-то всегда казалось: что мне любо, то и другим должно быть сладко. Особенно если мое «любо» с государственными интересами сплеталось. Раз, думал, не со мною заодно, значит, и против общего дела идешь. На этом он обжегся, когда со своей затеей носился. Об одном тогда пекся: через всех ловцов должна эта затея пройти и заразить всех, а про то, что моя сила из того же, общего для всех корня идет и сам я должен быть вроде бы как веткой того же дерева, в голову не приходило. Понял: одним камнем и воды не нагреешь. Надо бы всем за руки взяться, а я сломя голову вскачь подался.

Разговор с Серафимом и на другие мысли меня навел. На одном горбу да на терпении при тех-то людских силах, что в войну оставались, далеко не уйдешь. За устройство лебедки для выборки ярусов принялся. Всей командой головы ломали, сотворили-таки лебедку. Потом и под выборку кошелька ее приспособили. Вот тогда мои старички и приободрились. Теперь, шутили ловцы, твой крепкий орешек и по нашим зубам годится.

В ту путину мы в первый раз во Всесоюзное соревнование рискнули включиться...»

VII

Та путина оставила приметную зарубку в жизни рыбаков артелей, что находились под крылом Петропавловской моторно-рыболовной станции. Проходила она со скрипом, неровно, шумно и нервозно. Для малякинской команды обернулась доброй молвой, для многих рыбаков — наукой впрок, а для начальства... шишками: до разбора на бюро обкома дошло дело. Круги же, как от камня, брошенного в тихую воду, расходиться начали от него, от Малякина. На нем же потом и сошлись.

В первые дни путины редкостным уловам, с которыми приходил его мотобот на базу, особого значения никто не придавал. Обычное дело: угодили сразу на плотный косяк — вот и с рыбой. Рыбацкое везенье что девичья доля, не угадаешь, как завтра повернется.

Но время шло, удача, как преданный пес за хозяином, неотвязно ходила за мотоботом. Что ни выход на лов — то в два, а то и в три раза больше, чем другие суда, трески доставляют на базу. И это стало глаза колоть. Рыбаки из соседних колхозов, проведавшие о таком везении, на берегу специально задерживались, поджидали, когда малякинский мотобот с лова вернется — воочию чтоб убедиться, так ли это.

Выспрашивали шкипера, ловцов, на чем выигрывают. Те свои секреты напоказ: видите, ярусов да крючков насколько больше. И лебедка-помощница в придачу. Насчет же самой работы без разгибу и на лову и на переходах — тут на пальцах не передашь. И упрятан этот секрет не под замками пудовыми, а под рубахами просоленными.

За малякинским мотоботом увязался «хвост». Куда

тот идет, туда и другие суда тянутся. Рыбаки выставляли свои порядки в тех же местах, где и шкипер. Но тягаться с ним не могли. Проигрывали по всем статьям: и по времени на постановке и на выборке, и, главное, по выловам. Стало для всех очевидным: надо перестраивать ярусы, увеличивать их число, прибавлять крючки, устанавливать такие же лебедки...

Надо... Но когда? Момент-то упущен. Где брать материалы, тысячи крючков? Было бы время, все можно достать, приобрести. Только вот самое время ни достать нельзя, ни за золото купить.

И ощетинились рыбаки, пошло бродить по судам недовольство. Прошляпили столько рыбы! По чьей вине? Затребовали на базу руководство станции, председателей колхозов, тех, кто в это время на усадьбах находился. В Жировую прибыл встревоженный директор Петропавловской МРС Михаил Иванович Кузин, а с ним и председатели. Собрали срочное совещание. Прямо на бойком пятачке, рядом с конторой. Пристроились кто на чем мог.

— Прежде чем вас выслушать,— открывая совещание, заявил Кузин,— разрешите новости приятные сообщить. Ну о том, что малякинский мотобот годовой уже в середине июля в три раза перекрыл по треске, это вам, наверное, известно. А вот эта совсем тепленькая весть.— И он, загадочно улыбаясь, полез в карман, извлек телеграмму. — Из Москвы! — подчеркнул многозначительно.— Только что, перед самым отходом, получили.

Директор, насколько можно было в этой обстановке, торжественно зачитал текст. Рыбаков малякинского мотобота Москва поздравляла с присуждением первого места во Всесоюзном социалистическом соревновании. Им же присуждалась премия в пятнадцать тысяч рублей.

Новость будто током через каждого прошла. С тех пор как началась война, такими затерянными считали себя рыбаки на краешке земли. Да и до них ли, до их дел в такую-то лихую годину? А тут — поздравление из столицы! Оказывается, и их работа на виду у страны.

Вон как все неожиданно обернулось. Собрались начальство за грудки трясти, а тут, с одной стороны, хоть «ура» от радости кричи, а с другой... Эта же новость, как только схлынула первая радость, словно

маслицем подплеснулась на раскаленную сковородку.

Первым поднялся шкипер Аленкин. С жадностью сделал последнюю затяжку, швырнул недокуренную цигарку в песок.

— За добрую весть, Михаил Иванович, спасибо,— неторопливо начал он.— Она не только нашему имениннику,— кивнул головой на Малякина,— приятна, но и всем нам по сердцу. Большущая у нас страна. Забот у нее сейчас ой-ой сколько. И надо ж, мы, камчатские рыбаки, иголкой в стогу сена не потерялись в этих больших заботах. Так я говорю? — повел он взглядом по сосредоточенным лицам рыбаков, выражавшим откровенное нетерпение угадать, куда он дальше речь поведет.

Многие на базе знали о том, каким боком повернулась путина для шкипера. Знали и о том, что он целую неделю проторчал на малякинском мотоботе и ходил потом по базе чернее тучи. Он же первым и предложил начальство вызвать, поговорить о делах. «Неужто Кузин размягчил его новостями, и он про самое главное, зачем собрались, не скажет?» — думали рыбаки.

— Ну а теперь про то, что у нас у всех ноет,— сердито уставился на директора станции.— Ответьте нам, Михаил Иванович, ведомо было вам о том, что Малякин к путине ярусы на свой лад переделал? И лебедку со своими ловцами смудрил?

— Слышал...— передернул директор плечом. Виновато улыбнулся.— Но, откровенно, не внимал особо.— И тут же, словно торопясь оправдать себя за это, добавил: — Переделал-то он, насколько мне известно, на свой страх и риск. А если бы не пошло у него, что тогда? В чем видите нашу вину?

— А если пошло? — сощурился Аленкин.— Телеграмму вот нам сами только что зачитали?

— Ну и что из этого?

— Да то, что все мы где-то около этого могли бы брать. Не лишняя, думаю, была бы для бойцов на фронте наша тресочка.

— Верно,— подхватил Кузин.— Не будет лишней. Очень богатые возможности открыл нам Иван Игнатьевич своим новаторством. Начнем изучать его опыт и в будущую путину на всех судах будут работать такими же ярусами.

— В будущую, значит? Обрадовали... Что ж, и на этом спасибо. — Аленкин развел руками.— Разговаривать вроде и не о чем теперь больше. Все ясно.

Рыбаки задвигались, зашумели.

«Вот так у нас и работают мэрээсовцы. Люди с базара, а Назар на базар», «Председатели-то чего в рот воды набрали?», «Старицын должен был знать все про это. Не за пазухой же носил Игнатьевич свои секреты. Малякин и в прошлую путину работал с укороченными поводцами?» — выкрикивали из толпы.

Поднялся кировский молодой председатель Михаил Старицын.

— Могу пояснить,— сказал он.— Да, мы знали про затею Малякина и даже долго думали, гадали, разрешать ему или нет переделывать ярусы. Честно говоря, побаивались. Теперь вот убедились... Его взяла. А то, что прозевали с внедрением на других судах, кто ж мог наперед все предусмотреть?

Закончилось совещание вроде полюбовно. Директор станции заверил клятвенно: малякинские ярусы на следующий год будут на всех судах внедрены, а механизаторы станции установят на них ярусоподъемные лебедки.

С лебедками дело затянулось. Их установили на всех судах лишь к путине 1946 года.

Но не закончилась полюбовно эта история. На заседании бюро обкома, когда подводились итоги путины, за неоперативность с внедрением малякинского метода работы был наказан директор станции Михаил Иванович Кузин.

Позже Михаил Иванович, встретив шкипера на станции, пригласил его к себе.

— Разговор есть небольшой, Игнатьевич.

Малякин знал, что директору всыпали на бюро. В душе он чувствовал себя косвенно причастным к этому наказанию и испытывал чувство неловкости перед директором. Оно обострилось, когда он зашел к Кузину в кабинет. Тот кивнул ему: садись, мол, а сам выдвинул ящик стола, извлек папку и стал перебирать бумаги, отыскивая нужное.

Иван Игнатьевич исподлобья наблюдал за Кузиным, напряженно выжидал: «Неужели попрекнет...»

— Мне из-за тебя в Жировой досталось, ты сам был свидетелем,— заговорил Кузин.— Ну а про то, как

на бюро обкома твоим методом по всем больным местам секли, только мне, битому, и знать. Другие же могут только сочувствовать...

Малякин заерзал на стуле, ощутив, как краска неловкости расплывается по щекам. Его ладонь потянулась к лицу. Сузились глаза, сгустились брови у переносицы. Первый порыв был сказать: «Я-то тут сбоку припека.— Но откуда-то изнутри наползала природная малякинская горячность.— Выходит, под мою горькую музыку и вам не плясать»,— по-своему расценил он директорский намек. Вслух же со сдержанным вызовом спросил:

— Значит, я вас под выговор подставил, а вы не знаете, с какой стороны должок с меня вытребовать? Так надо понимать? Затем и позвали, да?

Кузин оторвался от бумаг. Грустная улыбка тронула его лицо: «Эх ты, петух неклеваный. За кого же ты меня принимаешь?»

Распрямился, извлек из раскрытой папки конверт. Подержал его перед собой, словно раздумывал, отдавать или нет.

— Ошибся, Иван Игнатьевич,— со вздохом сказал он.— Не с тебя должок взять, а тебе отдать. Давно приготовил, да все как-то не сходилось передать тебе. Вот возьми,— протянул он конверт Малякину.— Там все сказано, что я о тебе думаю.

Малякин растерянно смотрел то на конверт, то на директора.

— Кандидатский срок у тебя, кажется, на исходе? Вот я и приготовил рекомендацию в партию,— пояснил Кузин.— По пути нам с тобой, понимаешь...

VIII

«В 1944 году избрали меня секретарем колхозной партийной организации. Было в ней всего-то четыре человека, вместе со мной. До самых пятидесятых годов в секретарях ходил. За это время выросла организация до двадцати человек. По молодости да со своей горячностью и через колено приходилось не раз гнуть. На свое чутье в основном надеялся, а при моей грамотешке да неопытности на одном чутье, как на необъезженном коне: то ли он тебя, то ли ты его. Да и жизнь сложная была. Иной раз, кажется, прямо ей в загривок вцепился, а разберешься — за хвост держишь-

ся. Поправляли, подсказывали, а где и наждачком лишнее снимали. Как рыбаку, мне кругом поддержка была. Видели главное во мне: не к себе гребу, за общее дело болею. Помнится, с Макаровым схлестнулся, с председателем колхоза... Не его, а меня поддержали тогда...»

За несколько дней до подписки на Государственный военный заем из города на базу Жировую стали съезжаться уполномоченные. Проводили беседы на рыбозаводе, на тресколовных судах. Ночи напролет светились окна в конторе базы и на рыбозаводе: спешно готовилась наглядная агитация. Вечером, накануне подписной кампании, собрался актив — представители от рыболовецких колхозов и рыбообработчиков. Договорились: митинг провести до выхода мотоботов на лов. Подпишется вся команда — и можно отправляться судну на промысел.

Малякина попросили выступить на этом митинге первым.

— Первый секретарь, передовой шкипер — тебе и пример подавать,— напутствовали его.— Ну и команда, сам понимаешь, должна за тобой потянуться...

Вернулся Малякин на мотобот с совещания поздно. Ловцы не спали, поджидали шкипера. Они ни о чем не стали спрашивать, но он и так почувствовал, чего ждут от него. Намеревался утром до митинга накоротке поговорить, но раз уж табачищем думы разгоняют да нетерпеливо косятся, чего уж тут до завтра откладывать.

— Значит, так, — сказал без всяких заходов. — Нам честь большая выпала — начинать подписку. Сперва слово скажу, подпишусь, и вы чтоб сразу за мной.

Этого он мог не говорить. Привыкли уже: как какое мероприятие, так Малякин первые колеса возка тащит, а задние за передними катиться начинают. Рыбаков волновало другое.

— Небось уж прикидку в уме заранее сделал, Игнатьевич... На сколько? — кинул, как наживку, ловец Соловьев.

И все затаились: о самом главном он у шкипера спросил.

Малякин не спешил с ответом. Повел головой в дальний закуток кубрика, откуда ловец сторожко наблюдал за Малякиным. Их взгляды встретились.

— С каких это ты пор, Соловьев, рассеянным стал? Вместо своего в чужой карман заглядываешь, будто он ближе к тебе?

Моторист заморгал глазами.

— Это ты про што?

— А про то, что к своей совести чужим аршином примериваешься.

Соловьев, не ожидавший такого поворота, обидчиво хмыкнул, откинулся на спину, уложив затылок на взятые в замок ладони.

— Сам же сказал, что нам честь выпала,— забубнил, глядя в потолок.— Значит, и установка должна быть под эту честь... На сколько первым подписываться. Об этом я и спросил. Загодя надо прикинуть, на какую дырку потом ремень затягивать. Нет бы толком объяснить, так сразу совестью по глазам, как песком, сыпанул.

Примолк, вслушиваясь настороженно, что скажет на это шкипер. Но тот почему-то молчал. И Соловьеву подумалось: «Может, недосказал что или совсем не то сморозил, раз не задел его?»

Развернулся на бок и, свесив голову вниз с койки верхнего яруса, бросил задиристо:

— Думаешь, не разобрались, зачем нам про зачин сразу сказал? Поняли чтоб мы все: какая, мол, яблоня, такие должны быть и яблоки. Об этом же намекнул, так ведь?

— И так... и не совсем так,— раздумчиво ответил шкипер.

— Вот ты, Соловьев, надулся сейчас, как пузырь от дождя, а зря. Совсем зря. Насчет яблони — угадал верно. Без всяких намеков скажу: очень хочу, чтобы лучше всех мы выглядели. Рассчитываю на это. Только поспешил ты малость, начал трясти яблоню, когда плоды еще не вызрели.— Вздохнул.— Серьезная это штука — заем. Ты тянешь из меня установку, как крючок из живого тела. А я вот гляжу на Серафима Ивановича и думаю: с какой к нему установкой подойти? Такая орава в доме! За мной потянется, а кто же его семью кормить будет? Нагаслаева на себя равнять, что голую овцу остричь,— вот она в чем загвоздка.

Малякин только сейчас отчетливо понял, что в нем сидело занозой с тех пор, как он покинул совещание. Оказывается, вот эта самая фраза, которой он внача-

ле не придал никакого значения: «И команда чтоб на твоем уровне». Такое напоминание тогда ему показалось даже лишним. Это само собой разумелось. «Как же я обо всех сразу тогда не подумал?» — ругнул себя мысленно Малякин.

— Оно бы и можно как и все,— отозвался Нагаслаев так, словно сам с собой вслух рассуждал,— да детвора на выросте. Собирался после путины кое-какую одежонку для ребятишек в зиму справить.

«Вот тебе и уровень,— кольнули Малякина нагаслаевские слова.— Мне-то что, я могу пример подать. Замахнуться на тройную зарплату. Перебьюсь. А им-то как быть? Тому же Серафиму Ивановичу? Под каждого подлаживаться — совсем дело провалить? — Обостренно ощутил Малякин с опозданием и те первые минуты, когда спустился в кубрик.— Вон почему их сон не морил. Поджидали, значит, меня».

— В общем, так,— оторвался он от своих дум.— Агитировать я вас долго не собираюсь. И рассказывать, куда наш заем пойдет,— только от сна время отрывать. Скажу одно: крепче наша подмога — конец войне ближе. Отсюда и танцуйте.

— Бабу свою уверил, поднатужусь на путине, выкроим на одежонку детворе,— продолжал тянуть свое Серафим Иванович.— Придется, наверное, им погодить еще. До конца войны...— Это он для себя. Вроде бы как итог подвел. А Малякину доверительно:— Ты из-за меня, Игнатьевич, не вздумай душу свою ранить. Крой, как надумал. Дело-то это святое... Тут рядиться — только совесть обгадить.

Подписка на базе прошла организованно. Пример всем подали ловцы малякинского мотобота. «Интересно, а как там, на усадьбе, не испортили нашу запевку?» — волновался Иван Игнатьевич теперь уже как секретарь партийной организации.

Весть, долетевшая вскоре до Жировой, поразила Малякина как гром. Он даже не поверил вначале услышанному. Председатель колхоза, рассказывали ему, снял деньги с расчетного счета артели и перечислил их в счет подписки колхозников. Раньше всех кампанию закончил. Ходит в героях. По радио колхоз в пример ставят.

Слухи слухами, но лучше самому убедиться. Малякин оставил мотобот на помощника и на первом же

катере подался в Сероглазку. Сразу в правление он не пошел. Заглянул на колхозное поле. Картофель так зарос сорняком, что даже рядки трудно было различить.

«В героях ходит,— все больше и больше раздражался Иван Игнатьевич.— Люди там изо всех сил стараются на ноги поднять колхоз, а он тут... Ишь, нашел легкий путь — перечислил и потирает руки. Поля запустил. Хозя-я-ин!»

Председателя он застал в конторе.

— Аа-а, Игнатьевич,— обрадовался Макаров.— Садись. Как там наши дела? Все собираюсь махнуть к вам на промысел. Да разве отсюда выберешься? То заседания, то совещания всякие.

— Оно и видно, что закрутился,— вставил Малякин.

Иронический оттенок в голосе, нахмуренный взгляд враз сняли веселый настрой с председателя. Он изучающе посмотрел на парторга.

— Так закрутился — и видеть перестал, что под носом делается,— не меняя тона, продолжал Игнатьевич.— Картошка в траве утонула. И кустов не найдешь.

— Вот ты о чем,— догадавшись о причине мрачного настроения Малякина, успокоился Макаров.

— Об этом. И еще об одном. Деньги со счета снимал? — в упор спросил он.

— Ну снимал,— невозмутимо ответил Макаров.— Что из этого?

— Как что?

— Вам-то какая разница? — выражая недоумение, произнес председатель.— С колхозников будут высчитывать, как это и положено. Зато мы с государством одним махом рассчитались. Даже отметили за это.

— Рассчитались, говоришь?

— Да, рассчитались.

— Ну и во сколько же ты, интересно, вот эту душу-то мою оценил? — постучал Малякин кулаком в грудь.— Мой патриотизм и других рыбаков?

Иван Игнатьевич грузно приподнялся и, медленно обходя стол, двинулся на Макарова:

— Ты эти деньги зарабатывал, что распоряжаешься ими? Кто права тебе такие давал — за всех нас думать?

И тут прорвало Макарова.

— Если каждый вот так будет за горло брать, как ты, зачем мне все это? — кивнул он на стол.

— Верно думаешь, не для тебя это,— поддакнул Игнатьевич, обводя взглядом председательский кабинет. И подлил масла в неугасшее пламя.

— Не тебе судить. Кто меня направил сюда, тот и... — Его рука потянулась к телефонному аппарату.

— Погоди слезы лить,— остановил его Малякин.— Сам еду туда.

Через несколько дней после беседы Малякина с первым секретарем горкома Гусаковым в колхозе состоялось собрание. Макарова председателем не избрали.

IX

«Сейчас вот думаю, и откуда только силы брались во время войны? Молодых, дюжих мужиков на промысле становилось с каждой путиной все меньше и меньше, а уловы, наоборот, в гору шли. Да как еще резко! Взять наши тресколовные кавасачки. Начинали с выставления шестидесяти ярусов на судно, а поднялись потом до ста пятидесяти. По девять тысяч крючков обрабатывать за выход приспособились самые ловкие команды. Только одной трески брали по три тысячи центнеров, не считая жирующей сельди.

Как говорится, старую славу под новую не подкрасишь. Добыча споро вырастала по всей флотилии, и нам поджидать, когда задние нас подопрут, некогда было. И хоть находились угадчики, распускали слухи про нас, мол, слишком прытко взялись попервах, никудышные из них получились пророки. Как затянули мы в начале войны свою ладную песню, так и вытянули ее до конца без срыва. В сорок четвертом снова взяли верх во Всесоюзном соревновании. И в год победы не осрамились, и после войны, до самых тех пор, пока кавасачки, доброй им памяти, в отставку не ушли, в затылок никому не заглядывали.

А почему, спросишь, как меня много раз спрашивали. Ну сила там, выносливость, ответственность — это само собой. Без этого не то что в море работать — и по земле ходить можно разучиться! Только сила и выносливость, они на рыбалке вначале больше были в почете. Круче стали горки, труднее на одном горбу план вытаскивать — смекалка наперед вышла. Ныне

это техническим прогрессом называется, а тогда даже сами эти слова казались для нас слишком мудреными. Всякие новшества понимались проще. Жадность к новому, риск были все время нашим козырным тузом.

Чего проще, кажется, взять да и сшить из дели сетной мешок. Но пока в голову не стукнуло, сколько сельди тогда недобирали и мы, и все другие команды колхозов! Трюм не резиновый, больше, чем входит в него, рыбы не возьмешь. А жалко пойманного добра, хоть убей, расставаться не хочется с ним. Вот тут и пришла мысль: огромный сетной мешок соорудить и всю сельдь, что в трюм не входит, из кошелька перелить в него. Прибуксировали мы свою добычу к пристани — и приемщики только ахнули. Сразу тройную норму доставили. С тех пор все стали использовать этот способ. И даже в шестидесятых годах на промысле олюторской сельди прибегали к нашему «изобретению» рыбаки не только малых, но и океанских сейнеров. Если находились от базы слишком далеко, оставляли мешок с сельдью в море, буек только ставили, чтобы легче можно было потом найти.

И запасной руль на рубку мы первые вынесли для удобства кошелькования косяков. Но больше всего новшеств нами введено в технологию ярусного лова. Подробно это потом было описано в моей книге «Записки шкипера». Хабаровский писатель Михаил Белов все сделанное нами на литературный язык в этой книжке переложил».

От страниц этой небольшого формата книжки, подаренной мне Иваном Игнатьевичем, веет горячим дыханием первой послевоенной пятилетки. Привожу лишь один описанный им эпизод. В нем весь Малякин с его неугомонной натурой, дотошностью и щедрой душевной распахнутостью.

«В 1947 году в стране развернулось соревнование за коллективную высокопроизводительную работу. Инициатором выступил мастер завода «Калибр» Николай Российский. Передовую статью газеты «Правда», посвященную этому почину, мы обсудили на открытом партийном собрании. Начинались новые искания, ставились новые рекорды.

Пути повышения уловов искала и наша команда. Возвращаясь как-то из рейса, ловцы распотрошили несколько штук трески. В рыбах мы обнаружили куски

наживы. Меня это заинтересовало. Как же, думаю, треска сняла приманку и не попалась на крючок? На второй день обнаружили то же самое. Уловы в обоих случаях были невысокие. Значит, решил про себя, при постановке ярусов мы допускали какую-то ошибку. Но какую?

Грузила к ярусам у нас подвязывал Серафим Иванович Нагаслаев, опытный тресколов. Спрашиваю его:

— Скажи, Серафим Иванович, сколько шаров привязываешь на ярус?

— Как всегда, семь-восемь.

— А грузил?

— Три-четыре на ярус.

— Завтра будем ставить ярусы по-новому.

— Как же их можно по-новому? Десять лет добываю треску и всегда привязывал по три-четыре грузила.

На базу мы снова вернулись с малым уловом. На следующий день пришли в тот же район. Серафима Ивановича я поставил у штурвала, а сам начал оснащать ярусы шарами и грузилами. С работой управились быстро. Грузил осталось много, потому что на каждый ярус я подвязал только по одному. Моторист Любченко поднялся на палубу:

— Ну, Иван Игнатьевич, сегодня мы совсем мало рыбы поймаем.

— Что так? — спрашиваю.

— Грузила-то у тебя почти все на палубе остались, а когда Серафим Иванович вяжет, всегда не хватает.

Приступили к выборке. Улов оказался в два раза больше, чем в прошлые дни.

Почему же, когда ярус оснащали тремя-четырьмя грузилами, рыбы попадало меньше? Ответ прост. Ярусы, отяжеленные таким грузом, быстро садятся на дно и остаются там в спокойном состоянии, течение не шевелит их. Треска легко обсасывает наживу, срывает ее с крючков. Ярус же, оснащенный одним грузилом, опускается на дно очень медленно, и его долго несет течением. При этом он все время колеблется, напоминая что-то живое. Треска, увидев наживу, устремляется за ней в погоню и с ходу проглатывает ее вместе с крючком.

Уловы у нас резко выросли. Команды судов, которые работали с нами в одном районе, удивлялись тому, что мы добываем в два раза больше рыбы, чем они. Я рассказал шкиперам, в чем дело, но они не поверили:

— Так никогда еще не оснащали переметы.

Однажды, когда мы находились в районе лова, к нам прибыло два промысловых судна.

— Пришли узнать, правду ли ты вчера говорил насчет грузил, Иван Игнатьевич,— сказал шкипер Правдин.

Ярусы у нас еще не были поставлены.

— Покажи гостям, сколько у нас грузил, Серафим Иванович,— говорю Нагаслаеву.

— Точно,— удивился Правдин.— Но мы будем еще смотреть, как вы оснащаете ярусы.

— Смотрите.

При постановке ярусов мы привязывали к каждому из них на глазах гостей по одному грузилу.

— Испытаем у себя,— сказал на прощание молчавший все время шкипер Банкин.

Вечером после сдачи уловов Правдин и Банкин поблагодарили за науку.

— Однако,— предупредил я шкиперов,— не всегда выгодно привязывать к ярусу одно грузило. Надо учитывать, за какой рыбой охотится треска. Питается мелкой рыбой, плавающей в толще воды,— нужна меньшая загрузка.

— Значит, если треска находится на участке, богатом донными кормами, нужно загрузить ярусы? — уточнил Правдин.

— Совершенно верно.

— Какое же правило?

— Правило одно — маневрировать. В одном случае хорошо, когда ярусы дольше находятся в плаву, в другом — когда они стоят у самого дна. Например, как вы будете ставить ярусы, когда треска охотится за горбушей или кетой?

— Как всегда.

— И возьмете очень мало рыбы.

— Почему?

— Лососевые держатся преимущественно в верхних слоях воды. Вслед за ними поднимается треска. В этом случае важно, чтобы ярусы стояли как можно выше от дна. Выставлять их нужно в мелководных местах, где глубина не превышает семидесяти метров».

...Путина была в самом разгаре. И в это время появились они. Их Малякин заметил еще издали, возвращаясь из очередного рейса. Незнакомые суда броско выделялись своей конфигурацией среди стоящих у пирса кавасачек. И такими вдруг неуклюжими, древними показались рядом с незнакомцами мотоботы, которые до этого момента считались главной технической силой моторно-рыболовной станции!

При подходе к базе шкипер прочел на бортах судов: «Максим Горький», «Ловец» «Какой же из них, интересно, будет мой?» Разговор о пополнении новыми судами и в колхозе, и на МРС шел уже давно. Перетасовывались много раз и кандидатуры будущих капитанов этих судов. Малякин в списке претендентов был первым. И вот дождались наконец! Пришли...

Едва мотобот коснулся бортом скрипучего настила пирса, Малякин спрыгнул на него и, подавляя желание помчаться бегом, вразвалку зашагал к стоящему ближе к нему борту «Максима Горького». И так же неторопливо, сдерживая внутреннее волнение, взошел по деревянному трапику на борт судна.

Первые волны любопытствующих, видать, уже схлынули, и все равно на судне было полно рыбаков. Шли смотрины чуда рыболовной техники придирчиво, дотошно. Долго прицеливались взглядами, ко всему прикасались руками, перемаргивались: вот это, мол, да-а! Крякали, поводили плечами, выражая сдержанное мужское удивление. И конечно же, не обошлось без острой приправы — крепкого словца!

Малякин прошел на корму. Кормовая часть судна сразу же приворожила его, как только он, еще на подходе к базе, стал различать оснастку на ней. При появлении Ивана Игнатьевича рыбаки загадочно заулыбались.

— Не понял,— поздоровавшись и оглядывая себя, сказал Малякин.— Чего зубы-то, как на продажу, выставили? Или на мне что не так?

— Да вот загадывали мы тут, когда ты по пирсу шел, на какое, интересно, судно Малякин поднимется. Угадает или нет,— ответил за всех один из рыбаков.

— Чего угадает? — не понял шкипер.

— Ну... на свое попадет или на чужое. Точно... на свое.

И ему рассказали новость, пережеванную всей базой и только ему неведомую. Все уже знали: «Максима Горького» доверено осваивать ему, Ивану Малякину.

Теперь наступил черед «хозяину» знакомиться поближе с судном. И увеличенная, в отличие от кавасачки, вдвое мощность двигателя, и быстроходность, и сам корпус рыболовного бота сразу выдавали его выигрышные достоинства. Но основные рыбопромысловые преимущества Малякин видел на кормовой палубе. На ней была оборудована поворотная площадка для кошелькового невода. Здесь же смонтирована и лебедка с приводом от главного двигателя для подъема орудий лова, загрузки и выгрузки трюма. Она должна взять на себя самые трудоемкие работы в рыбном промысле...

В ту путину шкипер Иван Малякин шагнул в новый этап своей большой рыбацкой судьбы. В историю рыболовецких колхозов полуострова это событие вошло как начало развития активного промрыболовства.

Тогда же многие рыбаки впервые услышали незнакомое слово «снюрревод». Из Приморья вместе с первыми ботами прибыл опытный капитан Василий Федорович Шкарбан. Ему поручено было Министерством рыбного хозяйства помочь камчатским промысловикам освоить новое орудие лова. До поздней ночи слушали шкиперы рассказ Шкарбана о принципах устройства донного невода — снюрревода и технике лова рыбы им. А на следующий же день Малякин с ловцами под присмотром Шкарбана уже приступили к изготовлению первого на Камчатке нового орудия лова.

Как ни старались, опробовать его довелось лишь в сентябре. До конца путины экипаж все же успел добыть около двух тысяч центнеров рыбы. На следующий год по весне рыболовные боты потянулись на Петропавловскую моторно-рыболовную станцию косяками. Они вытеснили и, казалось, безвозвратно похоронили ярусный лов...

Новый флот быстро выдвинул рыболовецкие артели Петропавловской МРС на самый гребень времени. Они стали пионерами развития активного промрыболовства. Поднималась добыча, совершенствовалась техника лова, расширялись пространственные и временные границы путины. Зато жизнь других рыболовецких артелей полуострова продолжала протекать в

традиционном русле: все путинные работы не выходили за пределы лова и обработки лососевых.

И областной комитет партии форсировал продвижение активного способа лова во все артели Камчатки. В Усть-Большерецкий район направлялась флотилия из семи рыболовных ботов.

Малякина пригласили к начальнику Главкамчатрыбпрома Надибаидзе. В кабинете Шалва Григорьевич был один.

— Горячее дело для тебя есть, Иван Игнатьевич,— сказал он.— Интересное дело. Решили направить тебя инструктором в Усть-Большерецкий район. Учить будешь людей в море ловить снюрреводом. Когда можешь выехать? Необходимо успеть подготовить к путине суда.

Малякин замялся.

— Не могу я, Шалва Григорьевич,— прокашлявшись, выдавил из себя Иван Игнатьевич.— Ну какой из меня инструктор? Работать — еще куда ни шло. А учить...

— Как можешь так говорить, дарагой? — укоризненно покачал головой Шалва Григорьевич.— Ты не можешь, я не могу, третий не может. Кто же тогда сможет? Пусть мои уши не слышат, если это сказал ты, коммунист, депутат областного Совета.

Иван Игнатьевич хотел было возразить, дескать, поймите меня правильно, не отказываюсь я ехать, только какой прок будет?! Но Надибаидзе, догадываясь, о чем он хотел сказать, опередил его:

— Лосось люди привыкли ловить. Дэньги хорошие получают. Трудно повернуть их к камбале. Воевать крепко нужно будет. У тебя рука твердая. Вот почему тебе доверили такое важное дело, дарагой. (Велик океан, но через много лет они встретятся. Должны встретиться плавбаза «Шалва Надибаидзе» и БМРТ «Иван Малякин».)

А через день состоялось совещание хозяйственных руководителей у секретаря обкома партии Трофима Георгиевича Калинникова. Пригласили и Малякина.

— Направляем к вам в качестве нашего представителя члена обкома партии Ивана Игнатьевича Малякина,— обратился Калинников в конце совещания к руководителям колхозов и рыбокомбинатов района.—

Просим оказывать ему на местах активное содействие.

В начале мая Малякин прибыл в Озерную. Досталось же ему в ту путину! До выхода на лов оставалось две недели, но суда не были готовы. Не оказалось на местах многих самых необходимых материалов для их оснащения. Приходилось чем-то заменять. На ходу учил шить снюрреводы, знакомил с принципами работы. А когда вышли на лов, Малякин собирал на одном из судов капитанов и показывал, как нужно делать замет.

Вернулся Малякин из района лишь в октябре. Похудевший, скулы выпирают остряком. Но дело было сделано. Многие капитаны успели набить руку на снюрреводном лове. А дальше пошла уже цепная реакция — учились один у другого.

В управлении моторно-рыболовных станций Камчатки заслушали подробный отчет Малякина о проделанной работе. Оценку дали высокую.

X

«Рыбалка не успевала приедаться. Только освоили эрбушки, начали поступать эмэрэски. Между теми и другими судами особой разницы не было. Это что с неоседланного коня на оседланного пересесть. Удобств для рыбаков чуть побольше на эмэрэске. А принцип работы тот же. Одно меня смущать в то время начало. Какая-то односторонняя любовь у нас с государством получалась. Оно нам технику новую гонит, условия человеческие для работы создает, а у нас, как у скряг, от скупости зубы смерзлись. Топчемся с выловами на двух-трех тысячах центнеров рыбы в год и дальше не идем.

Рыбаки, конечно, довольны. Это не с крючками горб гнуть, облегчение большое пришло в наш рыбацкий труд с новыми судами. А во мне завелся червячок, совесть точит. Так и свыкнуться можно с такими уловами, вроде больше и выжать из этих судов нельзя. Это при такой-то технике столько рыбы брать?!

Уж как только не прикидывал я тогда, где тормоз упрятан! И задержки судна на берегу свел донельзя, и при заметах и подъеме снюрревода, рассортировке добычи, при сдаче улова вроде ни минуты не теряли, а дело поддавалось туго. Поту получалось много, а

проку с гулькин нос. Какой-то прибавки в выловах, конечно, добивались на этом, но не той, какой хотелось. Значит, не там искал причину.

Бывало, стоишь на палубе, водишь глазами по всему судну, будто припоминаешь, куда по рассеянности нужную вещь засунул и теперь отыскать не можешь. На лебедку стал все больше засматриваться. Может, в ней все? А что может быть в ней? Лебедка как лебедка. Что в ней заложили на заводе умные люди, то она и делает. Ни с какой стороны вроде не мог к ней придраться, а вот споткнулась мысль о лебедку — и ничем ее из головы не вытравишь...»

Он нашел-таки изъян в конструкции лебедки. В ней недоставало самого важного для промысловиков — скорости выборки ваеров. И слишком избалована вниманием. На сейнере и так рабочих рук в обрез, а тут на обе турачки отдай по человеку. Стой при выборке, направляй ваер, подтягивай его. На что-то надо перекинуть эти функции, на какую-то недостающую деталь?

Она, эта деталь, рисовалась вначале в воображении Малякина в самых неожиданных формах. В конечном же счете обрела, как это часто бывает, простоту и конкретность. Грузовые турачки нуждались в своеобразных технических «руках», которые бы при выборке ваеров пропускали эти ваера через себя, сами бы их направляли и избавили от этой трудоемкой работы. Такими «руками» должны стать приваренные к турачкам диски с клиновидными желобами.

Как захватила эта идея Малякина! Но между идеей и материализацией ее лежала пропасть, которую Игнатьевичу с его грамотой никак не преодолеть. Нужны были точные инженерные расчеты. Без них в механической мастерской на запальчивость Малякина отвечали лишь понятливым участием.

— Чертежи нужны нам, Игнатьевич, чертежи,— отвечали ему.— Без них не понять нам друг друга.

И это бесило Малякина. Как же так? Ему все понятно, он даже представляет, как это все будет выглядеть в работе, а до них, механизаторов, не доходит.

Смысл малякинской идеи уловил главный инженер моторно-рыболовной станции Иван Нестерович Яковлев. Она захватила его так же сильно, как и самого автора предложения. И Яковлев засел за чертежи. За

расчетами последовали просчеты: то в нагрузке на диски, то капризничал клиновидный желоб — не зажимал ваера или, наоборот, заклинивал их намертво. И все начиналось заново.

А в Авачинскую бухту уже заглянула весна и поманила рыбаков в океан. Кряхтели от натуги на берегу тракторы, помогая дотянуться немощным, безжизненным на земле сейнерам до своей родной стихии. После двух-трехдневной разминки они собирались, словно утиные выводки, в стайки и тянулись вдоль всей бухты к зовущим, распахнутым воротам, за которыми каждому рыбаку и каждый раз обещающе и загадочно помаргивает коварная в своем непостоянстве путина.

Вот почти и опустел причал. Лишь одинокий сейнерок отбившимся от стаи подранком торчит возле него. Это действовало и директору моторно-рыболовной станции, и председателю артели на нервы, вызывало раздражение. Еще бы! В сводках снежным комом нарастали цифры выловов. И только против этого судна прочерки. Сначала на эмэрэску только молча косились. Первым не выдержал Михаил Константинович Старицын, к тому времени он уже работал директором станции.

— Угнал бы ты его, Игнатьевич, куда-нибудь, что ли! Бельмом торчит на виду у всех. Кто ни приедет из начальства, пальцем тычет: «А этот чего стоит в такую пору?» Объясняться надоело.

Заходили желваки у Малякина, набычилась испятнанная следами фурункулов шея.

— А-а,— махнул рукой обидчиво. Зашагал по пирсу к судну, втянув голову в плечи. Обернулся, запоздало освободился от того, что осело невысказанной накипью.— Уж ты бы хоть потерпел, не травил душу. Ладно кто не знает меня, а тебе такое говорить...

И слова получились какие-то не его, не малякинские. Будто в вату их завернули, чтобы глуше звучали и пожалостливее.

Чем смелее злословили давние соперники Малякина там, на промысле: «Теперь засел Малякин, как рак на мели», «Полетал орлом, походить ему нынче курицей»,— тем подавленнее становилось настроение у команды.

— Может, все-таки выйдем с той лебедкой, Иг-

натьевич? — осторожно напоминали ему.— Работали же все время... Станем зимой на отстой, тогда можно и заняться.

Как понимал он людей! Надеялись на него, как на удачливого, опытного капитана, а выходит — остались на бобах. Рыбака путина кормит. Прозевал ее — затягивай на зиму живот потуже. И это он, Иван Малякин, обманул их надежды, лишает их семьи достатка. Оттого что он понимал это, еще острее переживал каждую очередную неудачу, каждый потерянный зря путинный день. Терзался и становился все злее, непокладистее.

— Не выйдем, пока не заработают диски,— упрямо мотал он головой.— Или петля надвое, или шея прочь, но своего добьюсь.

И добился. Изготовить опытный образец модернизированной лебедки взялись на судоверфи. Лишь в мае вышли в море испытать его. На судне находились и инженеры судоверфи П. Д. Кныш и А. Г. Клочков, занимавшиеся изготовлением лебедки. Первые же заметы показали: надежды Малякина оправдались. По опытному образцу уже в июне на судоверфи и судоремонтно-механическом заводе началось серийное изготовление модернизированных лебедок и оснащение ими судов.

Вот как расценивалось новаторство Малякина в большой статье «Опыт команды малого рыболовного сейнера «Камчатский», опубликованной в 1955 году в августовском номере журнала «Рыбное хозяйство»:

«Повышению производительности промысловых механизмов способствовало предложение т. Малякина о совершенствовании сейнерной лебедки. Суть усовершенствования заключалась в том, что дополнительно к грузовым турачкам для выборки урезов было предложено смонтировать диски с клиновидным желобом. При выборке урезов при помощи таких дисков для обслуживания лебедки требуется не два человека, а один, причем его труд проще и легче. Износ урезов при этом по сравнению с износом на обычных турачках значительно уменьшается. Главное — создана возможность заменить пеньковый канат канатом «геркулес», что только по Петропавловской МРС за один сезон может дать экономию более одного миллиона рублей!

После внедрения новой лебедки скорость выборки урезов повысилась с 60 метров до 150 метров в минуту.

Повышение скорости выборки урезов во многом способствовало повышению уловистости снюрревода при лове такой подвижной рыбы, как треска».

И еще одни цифры, характеризующие значимость этого новшества для развития промысла на полуострове. Добыча рыбы на одного рыбака в колхозах, обслуживаемых Петропавловской МРС, составляла в 1953 году 251 центнер, а в 1955 году поднялась до 770 центнеров. Средний вылов на судно составил 6400 центнеров. Производительность труда увеличилась почти в три раза.

Говорят, горе в одиночку не ходит. У Малякина же в тот год одна удача пару себе искала. И нашла.

Начальник добычи моторно-рыболовной станции Владимир Данилович Блинов изготовил снюрревод новой конструкции. Но предложить его рыбакам в разгар путины не решался: вдруг не пойдет — зря рыбаки время потеряют, без заработка останутся.

Наверное, долго бы Данилыч держал про себя свое творение, не подвернись случай. На судне у Ивана Игнатьевича Малякина порвался снюрревод. Вернулся он на базу злой — время горячее, а тут возись с починкой. Блинов возьми да и предложи ему свой «для пробы». Прикинул Малякин: «Чем терять время на берегу, не лучше ли рискнуть? Пока будем экспериментировать, глядишь, и свой починим».

Подались в море. Сделали один замет — вместе с камбалой подняли центнера три трески. Второй замет — столько же. Загорелись глаза у азартного рыбака. «Ну уж если этим блиновским снюрреводом, который чуть ли не в два раза меньше, столько рыбы поднимаем, сколько же можно гребануть своим? На плотный косяк, что ли, попал?»

Дочинили свой невод. Заметнули. Подняли на борт — и трески кот наплакал, и остальной рыбы всего центнера полтора. Что за чертовщина!

Такая уж натура у Малякина: раз обожжется, два, но не остановится, пока в чем-то не убедится.

— Давайте снова готовьте блиновский!

Сделали замет на том же месте новым снюрреводом — опять столько же, сколько в первый раз. Как кто отмерил.

Вышел на палубу Иван Игнатьевич, оценил взгля-

дом улов, зажал рукой задумчиво подбородок: «Да-а, вот так задачка!» И вдруг сорвался с места.

— Готовь свой, убирай этот.

Рыбаки на дыбы: что тут, не видно, что ли, в какой рыба лучше идет?

Но Малякин уже распалился, и остудить его было невозможно. Своим снюрреводом и за этот замет взяли мало. И когда в третий раз подняли блиновский, Игнатьевич вздохнул:

— Вот теперь все понятно. Убедился.

А вскоре детище Блинова пошло, как говорится, на поток. Снюрревод владивостокской конструкции отжил свой короткий век. Родился новый, свой, камчатский. Экономичный, легкий, уловистый. И этот новый этап в развитии промысла отражен в партийном документе.

«В путину 1955 года, — отмечало в своем решении бюро обкома партии, — экипаж И. И. Малякина выловил 9092 центнера рыбы, выполнив годовой план на 313 процентов. Таких же высоких показателей достигла команда Муковникова, которая выловила 8924 центнера. Это позволило обеим командам выйти на первое место среди однотипных судов по Министерству рыбной промышленности СССР. Повышению производительности промысловых механизмов способствовало усовершенствование сейнерной лебедки по предложению Малякина, что позволило время выборки урезов сократить вдвое.

Большую помощь рыбакам в повышении уловистости снюрреводов оказал начальник отдела добычи Петропавловской МРС В. Д. Блинов. Обобщив достижения передовых капитанов, он создал новую, более уловистую конструкцию снюрревода,— отмечалось далее в решении.— Высокая скорость выборки и увеличение вертикального раскрытия снюрревода обеспечили повышение уловов не только камбалы, но и трески.

Бюро обкома КПСС обязывает Главкамчатрыбпром (т. Ваняева), областной совет профессиональных союзов (т. Колганова), обком союза рабочих промышленности продовольственных товаров (т. Пешкова), облрыбакколхозсоюз (т. Ключева), областное управление МРС (т. Коротенко), райкомы КПСС рыбопромышленных районов, директоров рыбокомбинатов и моторно-рыболовных станций, председателей рыболовецких колхозов широко распространить среди команд малых рыболовных сейнеров опыт работы тт. Малякина и Муковникова и принять все меры для того, чтобы в 1956 году на всех малых рыболовных сейнерах была установлена модернизированная лебедка Малякина.

Главкамчатрыбпрому и областному управлению МРС поручается в целях ознакомления с опытом тт. Малякина и Муковникова практиковать направление на Петропавловскую моторно-рыболовную станцию из других МРС и рыбокомбинатов техноруков лова, капитанов, техников-добытчиков».

«А новые рекорды мне уже довелось ставить не на малом сейнере, а на океанском. На Камчатку пришло первое судно этого типа — «Воросма». Осваивать его доверили мне».

XI

«В пятидесятых годах пришлось такую науку постигать, какую ни с какой рыбалкой не сравнить. За учебники засел, экстерном сдал экзамен на штурмана малого плавания. Но это не та наука, о которой хочу сказать. В ораторы подался, представляешь? А какой из меня оратор... Среди своих язык еще навострил как-то. Сказать слово среди своих что ветку в весеннюю землю воткнуть — все равно примется. А тут выступать довелось, считай, перед всей страной, перед миром всем. Да где? В Колонном зале Дома Союзов на четвертой Всесоюзной конференции сторонников мира. Вот уж где поволноваться пришлось! Выступал я вслед за писателем Борисом Полевым. На трибуну шел — ног не чуял. Говорить начал — чудо произошло. Откуда-то смелость взялась. До наших камчатских дел дошел — совсем складно пошло.

Потом меня в Московский университет пригласили перед студентами выступить, рассказать про Камчатку, про то, как рыбаки на Тихом океане делами своими мир закрепляют.

В 1954 году выдвинули меня кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Весь на людях оказался. Абы что не скажешь на предвыборных встречах. Ночами за литературой просиживал, догонял, что в жизни упущено. И в дела пришлось вникать не только колхозные, а во все, чем область и государство в то время жили.

В 1957 году участвовал в юбилейной сессии Верховного Совета страны».

Пожелтевшая страница газеты «Правда» от 29 октября 1957 года окунает нас в событие, ставшее чуть ли не самой яркой страницей в жизни полуострова. В один день оно перевернуло представление о расстоянии: Петропавловск вдруг оказался совсем рядом с Москвой. Привожу выдержки из репортажа специального корреспондента «Правды» В. Конькова «От Москвы к берегам Тихого океана».

«24 октября в 19 час. 30 мин. из Москвы с Внуковского аэродрома стартовал на Петропавловск-Камчатский реактивный самолет Ту-104. Впервые в истории отечественной авиации экипажу этого корабля предстояло открыть самую длинную в мире внутреннюю авиалинию на реактивном самолете. Полетом руководил известный летчик — Герой Советского Союза Павел Михайлович Михайлов.

На борту воздушного корабля находились также представители московских и центральных газет, радио, кинохроники, телевидения.

Итак, предстояло преодолеть расстояние около девяти тысяч километров. Впереди нелегкий путь.

26 октября. Ясное утро. Мы летим над Амуром, а затем над просторами Охотского моря. В это время года море особенно неспокойно. Навигация усложняется. Но штурман т. Калинин умело ведет контроль пути, дает точное местонахождение пилотам. В этот ответственный момент воздушным кораблем управляют летчики Михайлов и Шапкин. Внизу сплошная пелена. По расчету, скоро должны появиться высокие сопки Камчатки. Но их закрывают облака. По локатору, однако, отчетливо видны береговая черта и контуры вершин. В этот момент из Петропавловска приходит утешительное сообщение: погода позволяет выходить на посадку: нижняя граница облаков высокая. Воздушный корабль идет на снижение. Сквозь тучи пробиваются снопы солнечных лучей. Перед нами открывается изумительная панорама Камчатского полуострова: заснеженные вершины сопок, кольцевидные кратеры потухших вулканов и голубое зеркало бухты Авачинской. Мы видим шхуны, суда, рыбацкие лодки, улицы Петропавловска-Камчатского. Начинаем заход на посадку.

Рейс закончен. Расстояние более девяти тысяч километров реактивный самолет Ту-104 преодолел за 10 часов 20 минут летного времени. Небывалая скорость.

Встретить самолет на аэродром пришли сотни трудящихся Петропавловска-Камчатского, представители партийных и советских организаций.

Экипаж и пассажиры отправляются на отдых. Для московских корреспондентов организуется экскурсия. В Петропавловске-Камчатском много исторических памятников, связанных с героическим прошлым нашего народа.

Трудовой подъем царит в эти дни на Камчатке. Труженики самого окраинного в нашей стране города готовят к 40-летию Октября свои производственные подарки. Большой славой пользуется здесь капитан сейнера рыболовецкой артели имени Кирова Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Иван Игнатьевич Малякин. За свою жизнь он выловил более 90 тысяч центнеров рыбы. Столько рыбы до революции не добывала за год вся рыбная промышленность Камчатки.

...Благополучно прошел и весь обратный путь Ту-104 по маршруту Петропавловск-Камчаткий — Хабаровск — Иркутск — Омск — Москва. 27 октября в 2 часа 20 минут из Петропавловска-Камчатского с нами вместе полетел на юбилейную сессию Верховного Совета СССР Иван Игнатьевич Малякин.

— Перед вылетом,— сказал он,— я послал в Большой театр телеграмму с просьбой забронировать мне билет на сегодняшний спектакль.

Все мы невольно улыбнулись. Впервые за всю историю камчатской земли житель ее получил возможность попасть в Москву в течение одного дня.

В Москву мы прибыли в 19 часов 29 минут 27 октября. За два рейса пройдено более 18 тысяч километров. Это огромное расстояние покрыто за 22 часа 45 минут летного времени.

Воздушная трасса Москва — Петропавловск-Камчатский — Москва открыта! В скором времени на новой линии будут регулярно курсировать пассажирские реактивные самолеты Ту-104».

К этому рассказу о новом полете Ту-104 остается добавить, что вечером 27 октября камчатский рыбак И. И. Малякин побывал в Государственном академическом Большом театре Союза ССР, где слушал оперу «Пиковая дама».

Позже Иван Игнатьевич участвовал в работе кон-

ференции межпарламентского союза, проходившей в Токио. В перерыве к нему подошел представитель американских авиакомпаний и попросил принять участие в первом полете на новой авиалинии Токио — Аляска.

— Извините, вы, наверное, не по адресу обратились,— ответил ему Малякин.— Я рыбак. Моя профессия ловить рыбу, а не рекламировать самолеты.

— Но вы же, как сенсационно сообщала советская печать, открывали у себя самую длинную воздушную трассу?

— Ну, во-первых, это такая же сенсация, как и то, что я, простой рыбак, являюсь представителем высшего органа власти и, как видите, принимаю участие в работе конференции межпарламентского союза. А во-вторых...— Глаза у Игнатьевича сузились и в них запрыгали лукавинки: — Я ведь русский! А всякий русский гордится своей страной, ее успехами. Не скрою, приятно было чувствовать, что такое доверие оказано именно мне, рядовому труженику. И вам советую доставить такое же удовольствие — открыть новую авиалинию — одному из моих американских коллег — рыбаку.

Рассказывая мне о памятных днях участия в юбилейной сессии, Иван Игнатьевич показывал снимки, запечатлевшие как это волнующее событие в его жизни, так и саму поездку в Москву. При этом горделиво подчеркивал:

— Это мне Виктор Темин на память фотографии подарил. Интересный мужик. Неугомонный... Столько наснимал за свою жизнь, я рыбы меньше поймал. Мало ему показалось, первым рейсом на Камчатку пустился.

До встречи с ним, признаться, я на фотокорреспондентов другими глазами глядел. А порассказали мне о нем и он сам о себе, когда в Москву летели, мне даже неловко стало... Ни одно важное событие мимо его фотоаппарата не прошло. Победу на озере Хасан и на Халхин-Голе в снимках отразил. Великая Отечественная началась — в каких только пеклах не побывал! И в Севастополе, и в Одессе, и в Сталинграде снимал. И везде, где пожарче, там и он оказывался.

Всякого, кому доводилось близко знать Малякина, поражал этот малякинский дар жадно впитывать в себя окружающий мир, в столкновении с любым его проявлением оттачивать свои убеждения. Для него не существовало ярких впечатлений для себя и про себя. Его личное впечатление — это всегда оружие в полемике, тонкий инструмент воспитания окружающих его людей. И как заслушивались Ивана Игнатьевича рыбаки, когда он возвращался из заграничной поездки! Как зорко он мог подмечать увиденное, отделять плевелу от сути! И с каким достоинством этот талантливый самородок вел себя в различных жизненных обстоятельствах, в любой социальной среде.

В составе официальной парламентской делегации Иван Игнатьевич побывал в Дании. Цель поездки — установление торговых связей. О своих встречах с «живыми» капиталистами он много и по-малякински интересно рассказывал потом в колхозе. Один из эпизодов пребывания в Дании ярко описан журналистом Александром Комаровским в очерке «Пахарь моря», опубликованном в сборнике очерков «Герои наших дней», изданном по инициативе газеты «Правда».

«Ярко освещенный банкетный зал фешенебельного ресторана «Слатопавильон» в Хиллереде сверкал хрусталем и серебром. Датские дипломаты угощали щедро, но хотелось поскорее вырваться из этого непривычного мирка холодных, вежливых улыбок. Домой бы, в родные камчатские моря. Ребята давно на промысле, а он тут ведет переговоры с этими лощеными дельцами, заставляет себя улыбаться им.

После церемонных тостов, после коньяка и кофе атмосфера немного потеплела. Неожиданно с ним заговорил сидевший рядом толстенький господин во фраке.

— Я, каспадин рюска парламентари, когда бил царь, ходил Россия. Комерц делать. Много масла покупаль. Только не люблю коммунистов.

Русский парламентарий выпрямился, глянул сурово в холодные глаза собеседника.

— Спасибо за откровенность. Но мы к вам не обниматься приехали.

Собеседник взглянул на коренастого соседа, на его большие, сильные руки и поежился:

— О, я знай, рюски умеет отвечать ударом на удар.

— Да, вы правы. Но мы и дружить умеем.

— Скажите, каспадин рюска, что есть коммунист?

Парламентарий сощурил глаза, сквозь узкие щели прицелился в лицо датчанина. Испытывает? Ну что ж...

— Вот я коммунист... Вы, извините, всегда о своей прибыли думаете?

— Конечно. Это есть комерц, это есть жизнь. Но я есть филантроп, я жертвую большой сумма на бедных.

— А я не филантроп. Я не жертвую ничего на бедных. Нет их у нас в стране, бедных. Каждый может работать и зарабатывать. И я никогда не думаю о своем кошельке, все, что делаю, я делаю для людей. Все силы, сколько у меня есть, я отдам людям, своему народу. В этом и видит свое счастье каждый коммунист.

— Вы, наверное, есть политический комиссар? — скептически улыбнулся толстяк.

— Ошибаетесь. Я рыбак, колхозный рыбак.

— О! — воскликнул коммерсант. — Невозможно верить. Это есть пропаганда».

Пришлось Малякину показать программу посещения Дании советской парламентской группой, на первой странице которой на датском языке были указаны фамилии депутатов и род их занятий. После этого камчатский рыбак и датский коммерсант деловито толковали о главном, о том, зачем приехали советские парламентарии: как жить в мире, торговать, обмениваться культурными ценностями на пользу обеим странам. Датчанин заговорил о своих маслозаводах, об отсутствии покупателей на «свободном» западном рынке, о надвигающемся кризисе.

Там же, в Дании, на встрече с судостроительными магнатами Ивану Игнатьевичу пришлось чуть ли не лекцию читать о том, что такое капитан колхозного судна. Понятно им, что такое колхозник. И что такое капитан — тоже. А вот капитан-колхозник — непонятно. Не могут они расстаться с представлением о колхознике как о мужике в лаптях.

Запомнился Ивану Игнатьевичу и еще один забавный эпизод. Советскую парламентскую группу пригласили посетить датский национальный музей в Копенгагене. Возле одной из картин сопровождавший гостей член датского парламента, хорошо владеющий русским языком, любезно коснулся локтя Ивана Игнатьевича и шутливо произнес:

— Как это говорят у вас в России, мы с вами родственники через седьмое колено. Правильно я назвал поговорку?

Иван Игнатьевич недоуменно посмотрел на него: куда это он клонит? А датчанин указал на роскошный портрет светской дамы:

— Одной крови с царской фамилией.

И начал объяснять степень родства с династией Романовых. Малякин слушал его внимательно, всматривался в картину, как всматриваются люди в фотографию дальнего родственника, пытаясь уловить какие-то знакомые черточки.

Датчанин расценил это по-своему.

— Выходит, мы тоже одной крови,— расплылось его лицо в улыбке. Он наслаждался своей шуткой и ждал, что она приведет Ивана Игнатьевича в замешательство.

Иван Игнатьевич оторвал взгляд от картины и покачал головой.

— Мы с Романовыми-то не одной крови, не то чтоб с этой бабонькой.

— Как понимать?

— А вот так. Революция нас разделила с ними. И кровь у нас поменялась после нее, другой стала.

— Но ваш Ленин говорил: «Мы не можем уподобиться Иванам, не помнящим родства...»

Глаза Ивана Игнатьевича лукаво сощурились.

— Вот и считайте, что я и есть один из миллионов Иванов, которые не помнят и не желают помнить такого родства!

Показная любезность покинула датчанина.

XII

«В шестидесятом году все рыбоартели, те, что от Авачинской губы кормились, объединились в крупный колхоз имени В. И. Ленина. И так он круто сразу взял в гору — дух захватывало. Флот стал поступать такой, какой и присниться нам раньше не мог,— средние траулеры, потом большие морозильные. Разбежались суда по всему океану. В колхозе аукни — у Гавайских островов откликнутся. Понятно, и добыча как на дрожжах поднималась, а с нею и доходы колхоза.

Барачная Сероглазка, как невеста, стала в новые одежды рядиться. Раньше, и в войну и после войны, не до этого было. Строительство жилья на городской фасон развернули. Дом культуры, детский сад на загляденье отгрохали, другие здания, нужные для удобства жизни.

Разгорелся аппетит, и погнали миллионы на соору-

жение пирса. За несколько лет колхоз стал первым в стране и по мощности флота, и по выловам, и по доходам.

Нам, ветеранам колхозного промысла, конечно, приятно. От плохого дерева добрых плодов не бывает. Значит, семена хорошие своим трудом посеяли. Радостно и оттого, что в руки надежные промысел передали. На флоте молодежь образованная, горячая. Как и мы в свое время, рекордами колхоз славить начала. И сами рекорды не нашим чета. За год столько на судно рыбы вылавливают, сколько мне за десяток лет приходилось брать.

С одной стороны, радовался всему этому, а с другой — тревога закрадываться стала. Знаешь, как иной раз бывает: ребенка вверх подкидывают, он довольнешенек, смехом заходится, а ты смотришь, и все в тебе замирает с каждым подкидом: «Ну как не поймают?!»

Так и со взлетом нашего колхоза. Боязно стало, как бы не споткнулись на чем. Увлекаться большим все на Камчатке стали, а про малое забывать. Получается, как у плохого хозяина в саду: убирает с тех кустов, где погуще, а где реже — рука не лежит. Взять тот же ярусный лов. Можно ведь переметами облавливать рыбу у берегов, там, где для тралов и снюрреводов она недоступна. Вот и задумал я возродить старое, только, как говорят, на новом уровне. А то уйдет из жизни старшее поколение и унесет с собой опыт. Как бы молодежи не пришлось потом после нас сызнова начинать».

Непонятно, что стряслось в тот день с солнцем. Словно спросонья, не разобравшись, перепутало оно Камчатку с Кавказом и с утра обрушило на Петропавловск палящие лучи. Возбужденная непривычным зноем ртуть в термометрах испуганно поползла вверх и успокоилась лишь на тридцатиградусной отметке. А возможно, проявило светило слабость, издавна примеченную за ним,— благосклонно относиться к радостям земным, щедро одаривать людей по большим праздникам теплом и светом.

Рыбацкая Камчатка отмечала свой заглавный профессиональный праздник — День рыбака. Центром торжества стал стадион «Спартак». Какое неповторимое зрелище представлял он собой в то памятное утро! Сколько потом ни отмечалось здесь праздников, ни один из них не мог сравниться с этим. И «виновником» была

все та же на редкость ясная, солнечная, по-южному жаркая погода.

На трибунах безраздельно господствовал белый цвет. На мужчинах белые нейлоновые сорочки — дань тогдашней моде. Женщины в белом. И белые, если смотреть издали, самодельные панамы из газет, как спасение от солнцепека. Заполненные до отказа трибуны сверху напоминали огромный венок, сплетенный из одних белых ромашек. На ярко-зеленом склоне сопки Петровской, горбато сползающей к стадиону, словно верблюд опустился на передние ноги, тоже пестрели, только изреженней, бумажные панамы безбилетников. Стадион не мог вместить всех желающих.

Оборвалась праздничная мелодия, льющаяся из динамиков, и диктор начал репортаж: «На круг почета...» Как от неожиданно налетевшего ветра, головы-ромашки шевельнулись в сторону распахнувшихся ворот стадиона, откуда в первый рыбацкий праздник, сразу же после его учреждения, въезжала открытая легковая машина.

Диктор представлял стоящих в ней столичных гостей — участников концертной праздничной программы, и они под аплодисменты совершали круг почета.

На этот раз человек, находящийся в машине, ничем не походил на артиста. Ни внешностью, ни манерой держаться. Плотный, широкоплечий, он слегка подался вперед. Ноги, расставленные по-морскому, будто в палубу вросли при шторме. Чуть запрокинутая голова с грубоватыми чертами лица. Под густыми метелками бровей глаза вприщур.

«Круг почета совершает прославленный рыбак Камчатки, один из первых Героев Социалистического Труда Иван Игнатьевич Малякин!» — представляет его диктор.

У центральной трибуны машина остановилась. Иван Игнатьевич подходит к микрофону и коротким вступительным словом открывает праздник.

Мои соседи, двое парней, по всему видать рыбаки, переглядываются. Один из них, помоложе, негромко спрашивает у старшего:

— А чем он прославился, этот Малякин? С какого он хоть судна? Ни на одном капчасе вроде не слышал такой фамилии.

Губы старшего шевельнулись в ухмылке.

— И не услышишь,— с оттенком иронии бросил он.

Я недружелюбно покосился на него. Но лицо парня уже приняло иное выражение.

— А раньше гремел... В эфире только его «Воросму» и искали. Где она, там и флот, там и рыба. Со сдачей нелады — Малякину радиограммки слали, жаловались ему. Поддавал же он тогда барыгам-приемщикам,— улыбнулся чему-то своему рыбак.

Как ключик, пробившись сквозь толщу песка, нарушает застойный покой, так и оброненная рыбаком последняя фраза столько выбросила на поверхность из глубин моей памяти.

...Начало шестидесятых годов. Олюторский залив. Сельдевая горячка. Бухты Лаврова, Южно-Глубокая. Длинная, вязкая песчаная коса, зажатая морем и раздольным устьем реки Пахачи. Продолговатые, все на один фасон посольные лабазы поперечно рассекают косу на равные части. В прогалинах между лабазами — временное жилье обработчиков. Пестрое, беспорядочно разбросанное. Наспех сколоченные из теса бараки, палатки — настоящие и приспособленные под них обыкновенные брезентовые чаны для посола. Многих обстановка заставила стать изворотливыми: сооружали подобие палаток из мешковины, матов. Вдоль густо заселенной косы (каждый рыбокомбинат и многие колхозы имели здесь приемные базы) по прибойной полосе снуют машины, надрывно рокочут, увязая в песке, тракторы, бульдозеры. Кругом паутина проводов. Визг пил, глухой перестук топоров висят с утра до вечера в воздухе. В строительную симфонию врываются сирены катеров, бороздящих реку. Треск электросварочных аппаратов, частая дробь молотков на тарировке сельди.

Самая оживленная часть этого необычного городка, суетливого, неугомонного,— речной берег. Отростками от каждого посольного лабаза тянутся сюда, к воде, к рыбонасосным установкам, желоба, по которым серебристым потоком устремляется в соты посольных емкостей сельдь. Та самая крупная, жирная олюторская сельдь, захлестнувшая магазины многих городов страны.

Днем этот поток прерывистый, зато к вечеру... На горизонте начинают куриться дымки. И вот уже можно различить простым глазом черные точки судов. Наперегонки спешат они на сдачу. Вспенивается река винтами от самого устья до Олюторского рыбокомбината. Стоит сплошной гул рыбонасосных установок, и по желобам вместе с водой устремляются к лабазам серебристые струи сельди. Кажется, сам воздух в такие часы настоян на рыбьем запахе.

Штормовая погода изредка загоняла весь флот в укрытие, и таким тесным вдруг становилось раздольное в погожие дни устье: думаешь, вот-вот выплеснется река из берегов. Но даже в такую штормовую погоду не утихала ни днем ни ночью жизнь палаточного городка. Помигивали, покачиваясь на ветру, лампочки под навесами лабазов, тенями скользили люди. Сельдь в чанах нужно перелопачивать, иначе она перезреет, перейдет из среднесола в крепкосол.

Лишь под утро на короткие часы стихает рабочий гомон на густо заселенной Пахачинской косе, зато оживает река. Гривистый туман, потревоженный рассветом, нехотя покидает ночной приют: широкое устье, палаточный городок — и, оставляя на строениях, на песке изморось, лениво тянется к своим дневным лежбищам; обволакивает вершины сопок, заполняет распадки. А вдоль берегов уже клубятся горланящие облачки ненасытных чаек, простудно «прокашливаются» двигатели, погрюкивают якорные цепи, прикорнувшую трудягу Пахачу будят первые буруны. Как по команде, десятки судов устремляются к горловине устья. От мыса Серого до мыса Говена вновь разбегаются малые и океанские сейнеры за свежей добычей.

И вновь с утра до вечера, сменяя друг друга, висят в стылой синеве осеннего неба «Чайка» и «Рыба», делают головокружительные виражи над Олюторским заливом. И снова перенасыщенный эфир захлебывается от разноголосого охрипшего чертыхания, мольбы:

— «Чаечка»! Я двадцать седьмой. Мажем по эхолоту. Мажем! Наведи, будь добр, наведи на косячок!

В этот разноголосый гомон будут то и дело врываться бодрящие, как утренняя свежесть, команды воздушного наводчика Михаила Несина: «Шлюпку! Отдать шлюпку!» Десятки судов, распуская на воде шлейфы наплавов, будут идти один за другим в заметы. И майским ливнем зашумит, забурлит в подсушенных кошельках сельдь, рассветится всеми красками радуги. Побегут суда с наполненными трюмами в Пахачи, в бухту Лаврова, Южно-Глубокую. И на всем переходе мозг рыбаков будет сверлить одна надежда: «Сдать, без задержки сдать бы улов».

В те первые шестидесятые годы не стояла проблема, как поймать сельдь. Опытные сельдевики ее брали и на «всплеск», и на «фосфор», и просто на острый глаз. Забирался остроглазый рыбак на мачту и, обнаружив фиолетовое пятно, подавал команды на обмет косяка. Нерешительные и новички больше пользовались услугами самолетов — «Рыба» и «Чайка».

Все возвращались к базам с жирной сельдью, но не всех поджидала удача на берегу. Затоваренные и избалованные приемщики привередничали, диктовали свои условия и по количеству уловов, и по сортности. Вот тогда-то «обиженные» ими рыбаки искали защиты у него, у депутата Верховного Совета Ивана Игнатьевича Малякина. Находилась «Воросма» у берега — шли на нее ходоки от судов, на лову была — отбивали радиограммы в море. И рыбацкий защитник спешил на помощь.

С малякинским крутым нравом были знакомы все приемщики баз от Пахачей до Семеновой косы на Карагинском острове. Примелькалось в этом районе и само судно «Воросма». Иван Игнатьевич первым на полуострове освоил кошельковый лов с океанского сейнера. И первым, еще в конце пятидесятых годов, начал вести промысел олюторской сельди.

Мне доводилось наблюдать метаморфозы, происходившие с неподатливыми приемщиками. На какие только хитрости не идут капитаны судов, часами простаивающих с уловами! И на все получают непреклонный ответ: «Емкости забиты, и соли вдобавок нет. Не за пазуху же качать вашу сельдь?»

И тогда, как к крайнему средству, прибегали капитаны иногда к хитрым уловкам.

— Ну хорошо,— намекали прозрачно.— Подойдет скоро «Воросма» по нашему сигналу, Малякин быстро разберется.

И, странное дело, находились и емкости, и соль. И приемщики вдруг становились мягче и покладистее.

Уже в то время мне приходилось сталкиваться и с завистниками: «Малякину чего не ходить в героях? Под наводку его первого ставят. На сдачу идет — все расступаются». Другие откровенно вздыхали: «К нему разве попадешь на судно. Счастливчики только на «Воросме».

Я знал этих счастливчиков. О них с затаенной горечью говорил мне и Иван Игнатьевич.

— Натура дурная. Сам как медведь ворочаю и людей под себя подгоняю. А силенки и выдержки разве у каждого столько, сколько у меня? Вот и не выдерживают путину, уходят. Хорошие ребята уходят. По две команды за путину меняется. Мой старпом Ефим Исаевич Бейрак начнет, бывало, бурчать на меня: «Ты, Игнатьевич, хоть оглядывался бы чаще, кто рядом с тобой. Не успеешь в лицо запомнить рыбаков, а уже новенькие на судне». Отмахнусь от него — от работы еще ни у кого хребет не ломался,— а сам себя казню: может, и прав старпом?

Побывал в числе таких «счастливчиков» и сын Малякина, Анатолий. Выпадет короткая передышка у команды — все рыбаки скорее подушку давить, а капитан Анатолию работу находит.

Наблюдал, наблюдал Бейрак, как парень мучается, и не выдержал: «Загоняешь ты его, Игнатьевич. Сын же родной...»

— Ум через руки приходит,— отпарировал капитан.— Так отец мне часто говорил.— И еще одну присказку умную повторял при случаях: «Работа не только лишнюю воду из тела, но и всякую дурь выгоняет».

Только до первой швартовки судна к берегу и хватило терпения у сына. Собрал свои пожитки и — с «Воросмы».

Крикнул на прощание: «Золотом меня одари, батя, но чтоб я еще когда-то пошел к тебе на судно»...

«Наверное, один из тех, кому доводилось наблюдать такие картины там, в Олюторском заливе? — подумал я о своем соседе во время рыбацкого праздника на стадионе.— А возможно, наслышался всякого о Малякине?»

Разговор продолжался.

— Раньше гремел? А сейчас? — спросил тот, что помоложе. Губы старшего снова сложились в язвительную ухмылку.

— Сейчас? Сам же видишь. В свадебных генералах ходит... Для высоких торжественных случаев...

Меня передернуло от этих слов. «Как можешь так судить о нем? Да знаешь ли ты...» Подмывало рассказать этим ребятам обо всем, что знал сам о Малякине. О том, чем он занят сейчас, какие тяжелые дни и недели довелось ему пережить в последнее время. Поймут

ли? Да и история эта слишком длинная, ее не просто пересказать.

Да, он покинул «Воросму», возможно, раньше, чем мог бы покинуть на его месте свое судно другой капитан. И это породило немало кривотолков: «Чего это вдруг Малякин? Вроде и на пенсию не вышел, и дела на судне неплохо идут, а он ушел на берег?»

Наверное, нелегкое это дело — уступить ходовой мостик, привычное директорское кресло, привилегированное положение другому. Не каждому удается с таким достоинством сделать этот мучительный шаг, с каким его сделал Малякин.

— Стоять на мостике, командовать еще не один год смог бы,— объяснил он на правлении.— А я работать привык. Без разбору, как все рыбаки. Только сейчас, как все, уже не смогу. Силенка на убыль пошла. А раз так, чего понукающим чучелом торчать на мостике? Может, со мной рядом в ком-то из штурманов талант рыбацкий зарыт, наружу рвется, да я мешаю. Вот и решил: раньше уйду, скорее на моем месте новый командир созреет.

Попросил Иван Игнатьевич в одном уважить — дать ему катер.

— Буду рядом с рыбаками. С морем-то порывать вот так, сразу боязно. И больно,— признался он.

Дел у Ивана Игнатьевича на берегу нашлось, как говорят, под завязку. Коммунисты самой крупной цеховой парторганизации колхоза, куда входит штурманский состав, рыбаки палубных команд, работники конторы — всего семьдесят членов партии, избрали его своим секретарем.

Сложной считалась эта организация. У рыбаков, понятно, в морях дороги. Собрать коммунистов на партийное собрание — проблема. Только когда флот «дома», выкраивается такая возможность. Но и в этих случаях не всегда проявлялась организованность. Это шло от закоренелой болезни — снисходительного отношения к рыбакам. Не надо быть, мол, слишком к ним строгими, все-таки люди много месяцев были оторваны от земли, от семей. Такая поблажка размагничивала дисциплину. Даже на отчетно-выборное собрание, избравшее Малякина секретарем, не все коммунисты явились.

И с чего начал новый секретарь? Хотя Малякин отлично знал всех коммунистов, решил перед очередным

собранием с каждым отдельно встретиться, потолковать. Выяснил, кто и когда пропустил собрание, по какой причине. Узнал, какие коммунисты увиливали от занятий в кружках.

И вот первое, после избрания его секретарем, партийное собрание. Началось оно минута в минуту. Такой полной явки никогда не было. Открывая его, Иван Игнатьевич неторопливо обвел взглядом ряды сидящих знакомых ему людей, не удержался, заметил:

— Это кто же говорил, что у нас, флотских, дисциплина слабовата?

Сощуренные глаза его улыбались. Довольством светилась каждая морщинка на лице.

А на очередной городской партийной конференции коммунисты Петропавловска избрали его членом бюро городского комитета партии.

В то самое время, когда всем казалось, что Малякин навсегда сошел с большой рыбацкой арены, и захватила его цепко идея, которую он вынашивал много лет и которую вначале приняли чуть ли не за чудачество. Еще в начале пятидесятых годов вместе с линейным механиком моторно-рыболовной станции Василием Алексеевичем Соловьевым, человеком творческой жилки, мечтал Малякин механизировать выметку ярусов. И они уже в то время работали над созданием ярусомета, который бы избавил ловцов от ручной трудоемкой работы, ускорил сам процесс постановки переметов, обезопасил труд промысловиков. Но пришел на смену удобно-ярусному лову новый, прогрессивный для того времени метод промысла — донными неводами, или снюрреводами, и нужда в таком ярусомете вроде отпала сама по себе.

И вот спустя полтора десятка лет Малякин снова решил вернуться к своей давней затее. И это в то время, когда объединенный колхоз имени В. И. Ленина обзавелся современным флотом: средними и большими морозильными траулерами, стал самым мощным колхозом в стране?! «Чего это ему стукнуло в голову хвататься за фалды технического прогресса и тянуть его назад, к крючкам?» — недоуменно пожимали плечами те, кто привык видеть в Малякине новатора, человека, многие годы поражавшего способностью поторапливать время, цепко держаться на его гребне.

Надо было обладать поистине малякинской натурой, убежденностью в правоте задуманного, чтобы вот так

ринуться с головой в могучий поток технического прогресса и грести, грести изо всех сил против кажущегося естественного течения жизни. Работая над механизированным способом ярусного лова, Иван Игнатьевич все чаще заглядывает в Камчатское отделение ТИНРО, ищет ответы на волнующие его вопросы у ученых и находит поддержку со стороны непреклонного приверженца ярусного лова кандидата биологических наук И. А. Полутова. Заместитель директора этого же института по научной части И. И. Лагунов посвящает Ивана Игнатьевича в новинки зарубежного ярусного промысла, переводит для него статьи крупных специалистов в этой области.

Как сейчас помню, каким трудно скрываемым торжеством светились глаза Малякина, когда он заглянул ко мне в редакцию газеты «Камчатская правда» и сообщил доверительно:

— Направил свою конструкцию механизированного способа выметки в Госкомитет по изобретениям и рационализации. Двенадцать километров за час можно выметывать. И почти никакой ручной работы.

Я механически потянулся к блокноту.

— Не спеши,— предупредил он.— Не забегай четверг поперед пятницы.— И, сощурив глаза, добавил: — И потом, это же государственная тайна, пон-я-ят-но? Придет час, сам позову. Испытать еще надо в деле, на лову.

— На чем? Необходимо же судно для этого, команда?!

— Захочешь ухи похлебать, найдешь и ложку,— ответил Малякин загадкой.

XIII

Перед самой весной Игнатьевич снова зашел в редакцию. Неспешно, интригующе задержав руку в кармане, извлек из него лист бумаги и положил передо мной на стол. Сам сел рядом, стиснул большим и указательным пальцами подбородок и притих выжидательно: что, мол, на это скажешь?

Бросился в глаза заголовок: «Расчет экономической эффективности использования РС-300 постройки ГДР на ярусном лове в Авачинском заливе в период с мая по сентябрь». Пробегаю статьи расходов на орудия лова,

топлива, наживу, питание экипажа, дооборудование и амортизацию судна, оплату команде. А где же главное, во имя чего и закручено все это? Вот оно! «Вылов за пять месяцев — 4500 центнеров. Каждый центнер дает колхозу 30 рублей дохода. Итого доход от вылова 135 000 рублей при общих затратах 103 750. Прибыль — 31 250 рублей».

Правда, в документе, подписанном капитаном Малякиным и заместителем начальника отдела добычи облрыбакколхозсоюза В. Сайко, имелась существенная оговорка: «Учитывая отсутствие опыта, для создания заинтересованности у людей в этом виде промысла предлагается оплачивать команде 50 процентов от стоимости рыбы-сырца вместо 30 процентов». Как потом я узнал, из-за этой оговорки и разгорелся спор на правлении колхоза. Мнения разделились. Бабушка еще надвое гадала — выйдет или не выйдет что из этого эксперимента, а двадцать процентов из колхозного дохода уплывает. Пошли все-таки навстречу Малякину.

То ли мое лицо не выражало никакого энтузиазма, когда читал, то ли еще что-то насторожило Малякина, но он нетерпеливо заерзал на стуле, нахмурился. Как только я закончил читать, Иван Игнатьевич потянулся за листком.

— Теперь-то хоть ясно тебе? — спросил он на всякий случай, явно рассчитывая услышать какое-то мнение.

Я не находил, что ответить. Успел уже привыкнуть к другим измерениям. Всосались в мозг, в кровь иные, дьявол бы их побрал, цифры, более внушительные. Раз малый рыболовный сейнер — кладешь в среднем четыре-пять тысяч центнеров за путину. Океанский сейнер — кидай, на худой конец, двадцать тысяч центнеров. А тут... на такой большой пароход и такой вылов?!

— Не слишком ли мало? — выдавил из себя так, будто провинился в чем и теперь пытался оправдаться.— И потом...

— Что потом? — перебил Иван Игнатьевич, задетый за живое моим робким «не слишком ли мало?»

— Большой пароход и... крючки?! Не укладывается как-то в голове. Непривычные, несовместимые понятия,— хотел я своим объяснением умиротворить нахмурившегося Малякина.

— Думал, вам, газетчикам, планы не так глаза за-

порашивают, как всем... А вы туда же,— проговорил Иван Игнатьевич и осуждающе и в то же время сочувствующе.— Пароход, видишь ли, большой. Жалко стало. А знаешь хоть, какие пароходы под ярусный лов японцы приспосабливают?

Я пожал плечами.

— То-то. Восьмисотсильные! И посылают их в дальние экспедиции, семь-восемь суток хода в один конец. Что они, по-твоему, совсем безмозглые, что ли, капиталисты? Ясное дело, выгоду имеют. А нам план на все глаза застил...

— Так ведь на плане, как на оси, вся жизнь наша держится, Игнатьевич?

— Сейчас держится,— поправил Малякин.— А завтра как? Через десять, через пятьдесят лет? Или считаешь, что наши дети, внуки, правнуки воздухом питаться станут?

— Не понимаю, какая тут логическая связь.

— Обыкновенная. Крючки рыбу отбирают. Мелочь всякая не возьмется. И среда не губится. Нынешние тралы и снюрреводы, видал, какие загребущие? Пройдут — как пропашут. Надолго ли хватит рыбы при такой рыбалке? И потом, не все рыбные места для трала доступные. По подводным скалам он не ходок — враз в клочья. И в расщелинах между скалами его не протащить. А там как раз треска жируется. Где течение посильней, там ей и любо. Только крючками и можно достать рыбу в таких местах. Уразумел теперь, какая связь? — довольный приведенными аргументами и считая, что они меня убедили, спросил Малякин.

— Пытаюсь,— ответил я.— Но...

— Не спеши, — перебил он. — Это еще не все. О рыболовных зонах поговаривать всерьез стали. Слыхал небось? Не очень-то потом по всему океану разбежишься. Надо думать сейчас, как у своих берегов запасы не подорвать. Вот тебе опять логическая связь. Рыба тоже самая ходовая идет на крючок: треска, палтус, угольная, окунь. От такого добра носы воротим, будто его так уж у нас много.

Он порылся в кармане, вытащил несколько бумажек, долго перебирал их, отыскивая нужную.

— Вот посмотри, какими данными меня тинровские ученые снабдили.

Сравнительные цифры в самом деле были любопыт-

ные. Уловы палтуса Канадой и США на Тихоокеанском побережье в период с 1948 по 1968 год колебались в пределах от 220 до 340 тысяч центнеров. А вылов этой же рыбы Камчатрыбпромом на конец шестидесятых годов составлял шесть тысяч центнеров. В тридцать с лишним раз меньше?!

— Да-а,— протянул я.

— Во, доходить начинает! — подхватил Иван Игнатьевич, по-своему истолковавший это мое «да-а».

Я же, откровенно, думал несколько об ином: мысленно сопоставлял эти цифры с общеобластным выловом, и они растворялись в миллионах центнеров, как растворяется капля чернил в емкой посудине с водой. «Добрый вылов двух БМРТ — вот тебе и двести тысяч центнеров,— прикидывал я.— А то, что наметил взять Малякин ярусами, и с каплей-то сравнить нельзя».

Но об этом я не решился бы сейчас ему сказать. Вместо этого сказал другое.

— Значит, можно забивать место на судне и готовиться в командировку?

— Мм,— замотал головой Игнатьевич.— Самому ярусы проверить надо. Рано в колокола звонить. Когда время подойдет, тогда другое дело.

После этого я виделся с Малякиным урывками: или он заглядывал в перерывах между заседаниями бюро горкома, или сталкивались с ним на лестнице. Он весь был в заботах. Подбирал команду, устанавливал лебедку для выборки ярусов. В Камчатрыбпроме в бездействии лежали закупленные в Японии ярусы. Добился, колхоз приобрел их. Надо было готовить насадку, знакомить команду с технологией промысла. Уговорил несколько бывалых тресколовов пойти с ним, тряхнуть стариной.

Наконец вышел в море. Условия ему продиктовали жесткие. «Поработаете месяц, а там видно будет. Пойдет дело — продолжите, а нет... посмотрим». Чуть ли не каждый день я звонил в диспетчерскую колхоза. И каждый раз слышал почти одно и то же: «Пока на лову. Ничего утешительного». Иногда сообщения диспетчера были тревожными: «Нерабочая погода. Отстаивается в бухте».

«Каково там ему?» — мысленно пытался представить я.

Были дни, когда «Маяк» вообще не выходил из бух-

ты. Авачинская губа надолго закрывалась для прибрежного промысла.

Истекал месяц, а обнадеживающих вестей от Малякина так и не было. Окунь брался неплохо. Хуже — палтус. И совсем мало на крючках трески. Что могло произойти за эти годы? Покинула треска места обитания? Отпугнул ее мощный флот или успела подорвать запасы?

Время, отпущенное для эксперимента, истекло. «Может, задержится еще на несколько дней? — надеялся я.— Сколько выпало у него промысловых суток по разным причинам, от команды не зависящим! Да и какая уж тут для колхоза разница — где месяц, там можно и полтора».

Малякина никто не вынуждал, но Иван Игнатьевич остался верен уговору: привел без задержки «Маяк» к колхозному причалу.

А потом состоялось заседание правления колхоза, которое для Малякина превратилось в мучительную пытку. На заседание прибыли представители областного комитета партии, облрыбакколхозсоюза, промразведки. Позицию Камчатского отделения ТИНРО приехал отстаивать старейший на Камчатке ученый-тресковик И. А. Полутов.

Это был тот случай, когда не нужно объяснять, зачем собрались эти люди. Кажется, сам воздух, которым они дышали, был заражен этим, пока никем еще не высказанным вслух: «Почему не получилось? Как поступать дальше?»

Незавидная доля продиктовать условия этого «дальше» выпала Новоселову, председателю колхоза.

— С обстановкой, надеюсь, все знакомы,— сказал Сергей Иванович.— Отведенное для эксперимента время истекло. Надежды, какие мы возлагали на него, не оправдались. Проще всего на этом было бы поставить точку. Но... — Сергей Иванович обвел взглядом всех, кто находился в кабинете.— Хотелось бы выслушать мнение членов правления и присутствующих на заседании представителей, заинтересованных в этом важном, на наш взгляд, деле. Прошу учитывать одно, пожалуй самое главное, обстоятельство. Рыбаки колхозного судна, в отличие от судна государственного лова, как известно, получают зарплату от рыбьего хвоста. Иными словами, сколько поймают, столько и получат. Уже сама

колхозная система исключает возможность продолжения эксперимента. Я имею в виду... бесперспективного эксперимента,— уточнил Новоселов.— Согласитесь, никто из команды не станет работать бесплатно. Я уже не говорю о том, что и колхоз не заинтересован в бесплодном использовании океанского сейнера. Каждое судно должно давать доход. Из этого и прошу исходить, высказывая свои соображения.

Как согнули эти условия, объективные условия, высказанные председателем, членов правления и присутствующих на заседании представителей! За столом сидел и он, виновник этого события,— Иван Игнатьевич Малякин. Мне видны были лишь тронутый сединой висок да пальцы его больших рук.

— Касаясь первого вопроса — почему не ловилась треска,— поднялся кандидат биологических наук Иннокентий Александрович Полутов,— смею заявить, здесь видятся мне объективные причины. Они отражены и в акте комиссии по испытанию усовершенствованной схемы ярусного лова трески, разработанной Иваном Игнатьевичем. Кстати, моя подпись значится под этим актом,— как бы подчеркивая свою близкую причастность к обсуждаемому вопросу, напомнил Полутов.— На мой взгляд, эти объективные причины кроются в том, что температурный режим воды нынче оказался не совсем благоприятным для подхода трески. Я проанализировал время ее появления в Авачинской губе начиная с тридцатых годов и припоминаю не один случай, когда она подходила с большим опозданием. Не исключено, а точнее, вероятнее всего, судя по температурному режиму, запаздывает треска и теперь. Отсюда вывод: необходимо продолжить эксперимент. Это снимет вопрос, который стоит перед нами.

Что касается самого шага, предпринятого Иваном Игнатьевичем, он заслуживает всяческой поддержки. Мы слишком долго и много говорили о необходимости внедрения ярусного лова. А это — уже действие. И тем похвальнее оно, что взялся за этот забытый вид промысла не новичок, а опытный тресколов.

Хочу обратить внимание всех на своевременность предпринятого Малякиным шага. Вы на себе с каждым годом все острее ощущаете усложнившуюся промысловую обстановку. Ненадолго хватило и богатого треской Анадырского района.

О достоинствах устройства для выметки ярусов распространяться особо не буду. Много предпринималось попыток усовершенствовать этот способ добычи. Считаю малякинское устройство наиболее практичным, простым в изготовлении. Оно сокращает время на выметке переметов и, что важно, обеспечивает безопасность в работе. И в заключение — прошу правление колхоза найти возможность продолжить промысел.

Представитель промразведки Камчатрыбпрома нажимал на статистику, явно стараясь произвести впечатление незнакомыми для многих цифрами.

— Как это ни парадоксально выглядит, но в век технической революции, при нынешнем развитом промысловом флоте тринадцать процентов мировой добычи падает на крючковый лов. Тринадцать процентов! — повторил многозначительно.

Цифра действительно произвела впечатление.

— Позиция промразведки определена. Надо продолжать начатое дело. Мы, со своей стороны, готовы оказать любое содействие для развития ярусного лова.

— Какое, например, содействие? — спросил Новоселов.

— Ну, скажем, выделить поисковое судно. Организовать поиск скопления трески для команды Малякина.

— Это хорошо-о-о,— протянул неопределенно Новоселов.— Но поиск, как я уже отмечал, сейчас не самое главное. Расходы на оплату команды могла бы взять промразведка? Или Камчатрыбпром?

Выступающий развел руками, извиняюще улыбнулся:

— Это уже, сами понимаете, выходит за пределы наших возможностей.

— А в этом и вся закавыка,— пристукнул по столу Новоселов.— Мы готовы пойти на любые жертвы, вплоть до того, что перебросить плановую нагрузку с «Маяка» на другие суда колхоза. Но платить, кто сможет платить команде? Помогите решить нам эту задачу. Вот они сидят перед вами,— кивнул он на рыбаков «Маяка».— У них семьи. Им нужна гарантия в оплате. Минимум по два оклада на каждого. Только это может компенсировать то, что они могли бы заработать за путину. Вот в чем дело.

И снова повис в тишине вопрос, как быть дальше.

— Впрочем, давайте послушаем команду,— заявил Новоселов.

Робко поднялся стармех «Маяка». Небольшого роста, щупленький, со смуглым лицом. С ним мне доводилось выходить на этом судне в конце шестидесятых годов на промысел сельди в Олюторский залив. Тогда он был третьим механиком. В памяти моей остался застенчивым пареньком. Все как-то в тени всегда был. А тут... первый взял слово из команды?!

— Что я могу сказать,— начал он, ища взглядом поддержки у команды.— Уважаем мы Ивана Игнатьевича. Видели, как он глубоко переживал. Старались вначале скорее освоить непривычное дело,— как-то несвязно, видно не решаясь сказать сразу по существу, ходил он вокруг да около.— А потом ропот начался в команде. Безнадежное это дело. Может, когда-то и был смысл заниматься крючками, а сейчас я, например, не вижу в этом смысла,— выдохнул наконец он то, вокруг чего долго петлял. Спохватившись, добавил:— Это не только мое мнение. Можете спросить любого,— стал обводить взглядом рыбаков из команды. Те, не поднимая голов, согласно клевали подбородками в грудь.— Вот видите,— словно оправдывался стармех.— И потом, верно тут Сергей Иванович сказал: нас, колхозников, путина кормит. Проэкспериментируем, пока промысел сельди в Охотском море не закончится, а дальше что?

Последним, насчет сельди, он угодил в самую точку. Рыбаки ожили, задвигались, нестройно забубнили.

— Надо кошелек готовить. А то придем к шапочному разбору...

— Полтора только месяца наших на сельди.

— А там снимайся в порт. С нас же за план спросите в случае пролова...

И этот нестройный гомон, как тяжесть, клонил голову Малякина к столу.

— В общем, все тут, кажется, ясно,— подвел черту Новоселов.— Может, у тебя есть что, Иван Игнатьевич?

Малякин грузно поднялся.

— Мне добавить ко всему, что тут сказано было, почти нечего,— осевший глуховатый голос выдавал его внутреннее состояние.— Судно к сдаче я подготовил. Ну а насчет того, что не ловилась треска... Считаю... или переместилась с прежних мест, где раньше ловили, или... Скорее, время не подошло для нее. Все.

— Будем тогда голосовать,— заявил Сергей Иванович.

Уткнувшись глазами в стол, члены правления медленно поднимали руки. Поднял руку за прекращение эксперимента и Малякин.

...Мы пристроились у самой береговой кромки. Говорить ни о чем не хотелось. Иван Игнатьевич выбирал в песке камешки и швырял их в воду. Подернутая слюдяной коркой, отливала режущими глаза блестками застывшая в каменном мешке бухта. Вкрадчиво заполнял мысли шорох заигрывающей с песком легкой волны.

— А почему ты, Иван Игнатьевич, голосовал «за»? — не выдержав гнетущей молчанки, спросил я у Малякина.

Его рука с камешком замерла на отлете.

— А какой смысл «против»? — Он удивленно посмотрел на меня.— И потом, партия так воспитывала всю жизнь. Шуми, доказывай, убеждай, дерись до... Я что, неродной, что ли, колхозу? Или он мне злая теща? На то она и есть, коллективная воля, чтобы святой быть для всех. Иначе мы бы так наруководили колхозом... если бы каждый губы дул и тянул в свою сторону.

И он в сердцах далеко зашвырнул камешек. И снова только шорох волн. На кончике языка у меня зудело невысказанное: «Ну а что теперь?»

Малякин сам ответил, словно догадался, о чем думаю.

— Пойду в ТИНРО — попрошусь на судно. Раз в колхозе нельзя.

Задумался.

— А может, время внуками заняться, а? Детей с этой рыбалкой не доводилось видеть, так хоть с внуками потешусь. Мы свое сполна сделали. Теперь у молодежи пусть голова поболит, как и что дальше...

И тут же устыдился своей расслабленности. Скосился на меня изучающе и даже настороженно, холодно, зло. Я не сразу уловил причину такой резкой перемены. Вроде ничего такого, что могло бы его уязвить, не говорил. А под смуглой кожей на лице Игнатьевича уже зашевелились желваки, загустели брови у переносицы, в драчливые складки сбежались уголки глаз. Большая разлапистая пятерня потянулась к лицу, и пальцы стали ощупывать косточки у предглазья — как многим запомнился этот малякинский предгрозовой жест! «Да что же это с ним?» — терялся я в догадках.

— Ну вот что,— разрядился наконец он.— Насчет этих... Ну внуков... Ты это брось. Выкинь из головы.

— Ффу ты,— не сдержался я, вздохнул облегченно. Вон оно в чем дело! Свидетелем его расслабленности оказался.

Глаза Ивана Игнатьевича медленно оттаивали, становились задумчивыми. Он смотрел куда-то вдаль, кажется, даже не на хребты, зубчатой стеной возвышающиеся по ту сторону бухты и заслоняющие собой эту даль, а через них, сквозь них. Меня будто и не было рядом с ним.

— Это еще мы посмотрим... — ответил он кому-то, а может, самому себе. И я услышал, как скрипнули голышики в его стиснутом кулаке.

А вскоре состоялся и тот самый нарядный рыбацкий праздник на стадионе.

Спустя некоторое время колхоз провожал своего ветерана. Он, пенсионер, уезжал во Владивосток, где уже находились давно супруга, дети.

На следующий год, возвратившись из отпуска, я узнал: приезжал в Петропавловск Малякин. За японскими ярусами. Он, оказывается, устроился в какой-то научно-исследовательский институт. На судне выходит в море, продолжает экспериментировать с ярусным ловом.

Позже и мне удалось побывать во Владивостоке. Перед отъездом узнал, где живет Иван Игнатьевич. Помчался к нему. На скамеечке у подъезда судачили старушки.

— Малякина? Так он редко когда бывает дома,— ответила одна из них.— А вон, кстати, жена его пошла с внучкой.

Я догнал ее. Она меня не узнала.

Спросил об Иване Игнатьевиче.

— А-а,— махнула сокрушенно рукой его супруга.— Нет на его голову покоя. С крючками все возится. И людям на судне от него уже невмоготу, загонял всех. И сейчас на судне. Утром убежал. Выходить на лов готовится, что ли.

Не довелось мне тогда увидеть Игнатьевича. А вскоре пришлось править, засылая в набор, некролог. На шестидесятом году успокоилось неугомонное сердце...

Из колхоза на похороны выезжали во Владивосток заместитель председателя правления по кадрам Сафатов и Бейрак. Из рассказа Сафатова врезалось в па-

мять: после похорон руководитель научного учреждения, где работал до конца дней своих Малякин, задумчиво произнес: «Он всех нас подгонял, торопил. Сколько нужно было этому человеку в жизни?!»

А вскоре после этого в «Камчатской правде» была опубликована статья о пробном ярусном лове с тралфлотовского сээртээма. Вспомнилось малякинское: «Пароход большой жалко стало. А знаешь, какие суда японцы под ярусы приспосабливают?»

Как, наверное, порадовался бы Иван Игнатьевич, прочитав эту статью о пробном рейсе сээртээма! И какой звонкой струной отозвались бы в его чуткой душе официально-скупые строки областных рыбацких обязательств на первый год десятой пятилетки: «Настойчивей внедрять ярусный лов — богатый резерв добычи ценной пищевой рыбы!»

* * *

На колхозный пирс съезжались в это утро машины. Останавливались у прижавшегося бортом к стенке нового большого морозильного траулера — первенца крупного флота межколхозного производственного объединения.

Загипнотизированно смотрю на название судна, а губы шепчут строки поэта о бессмертии:

Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом?

Матросская столовая набита битком. На торжественный митинг, посвященный проводам в первый рейс «Ивана Малякина», прибыли руководство межколхозного производственного объединения, председатель городского колхоза имени В. И. Ленина С. И. Новоселов, корреспонденты газет, радио и телевидения.

Мало какому экипажу, уходящему в рейс, доводилось слышать столько добрых напутственных слов. И особой взволнованностью были наполнены они у человека, не один десяток лет проработавшего плечом к плечу с Иваном Игнатьевичем,— у Сергея Ивановича Новоселова.

— Это имя святое для нашего большого колхозного коллектива. Для нас Иван Игнатьевич Малякин был Человеком с большой буквы, настоящим коммунистом. Берегите это имя, не запятнайте его. Помните, за вами, за вашими делами, малякинцы, будет следить вся область!

«Помните!», «Будьте такими же, как он...», «В добрый путь!» — перекликались наказы выступающих.

Здесь же, на митинге, команда принимает повышенные обязательства.

БМРТ покидает причал. Разворачивается и ложится на курс, каким свыше трех десятков лет выводил в океан разные рыболовные суда, от кавасачки до океанского сейнера, он, Игнатьевич.

В добрый путь, «Иван Малякин»!

...Месяц спустя после ухода судна на промысел Камчатка узнала об учреждении почетного диплома имени Ивана Малякина.

СОДЕРЖАНИЕ

СРЕДИ СНЕГОВ БЕЛЫХ (повесть)
3

ШКИПЕР ИВАН МАЛЯКИН (повесть)
191

МАРФА ИЗ СИНГАПУРА (рассказ)
266

Санеев Николай Васильевич

СРЕДИ СНЕГОВ БЕЛЫХ

Художник *С. М. Черкасов*
Художественный редактор *В. П. Трофимов*
Технический редактор *В. М. Мошкина*
Корректоры *Л. И. Кондратюк, Э. А. Вайнштейн*

ИБ № 723
ВД 07135. Сдано в набор 19.02.82.
Подписано в печать 04.04.82.
Формат 84×108/32. Бум. тип. № 2.
Гарнитура Литературная. Высокая печать
Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 16,91.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 363.
Цена 1 руб. 20 коп.

Дальневосточное книжное издательство
690603, Владивосток, Ленинская, 43

Приморский полиграфический комбинат.
690600, Владивосток,
Океанский пр., 69